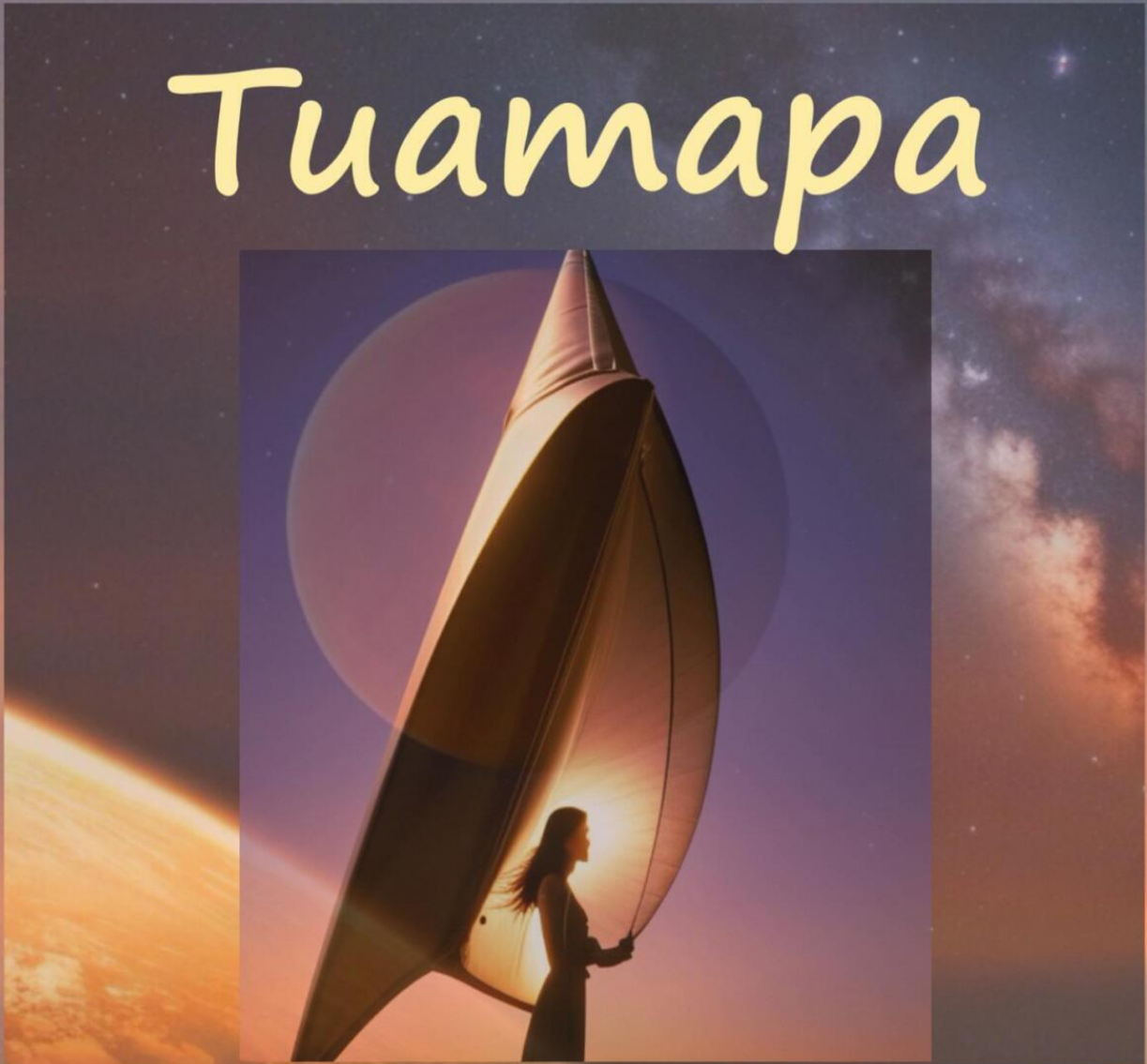

Лариса Кириллина

Тياتара

"Хранительница": космоопера. Часть 2

Лариса Кириллина
Театара

«Автор»

2022

Кириллина Л. В.

Тиатара / Л. В. Кириллина — «Автор», 2022

«Тиатара» — вторая часть фантастического цикла «Хранительница» (первая часть — «Тетрадь с Энцелада»). На планете Тиатара находится знаменитый Колледж космолингвистики, куда прилетает учиться пятнадцатилетняя Юлия по прозвищу Юла. Увлекательные предметы, необычные друзья-инопланетяне, веселый студенческий быт. Идиллию омрачают суровый придирчивый опекун и зловредный профессор истории цивилизаций. Но оба — не те, кем кажутся. И от обоих зависит, будет ли Юлия счастлива. Обложка - коллаж на основе авторской фотографии и изображений, сгенерированных различными нейросетями.

© Кириллина Л. В., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Тиатара: знакомство	5
Пара слов о себе	8
Соседи	11
Опекун	15
Про учебу	19
Урок уйлоанского	23
Мятежный звездолет	25
Судьба Уйлоа	31
Основание колледжа	33
Визит аисян	36
Вертикальное языкознание	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Лариса Кириллина

Тиатара

Тиатара: знакомство

Планета, на которой я оказалась, когда-то вообще не имела названия, а была обозначена на космических картах скучной комбинацией букв и цифр – впрочем, как и ее звезда, оранжевый карлик. Люди вообще не надеялись тут побывать, потому что даже сейчас попасть с Земли на Тиатару невозможно без новейших инопланетных технологий. Благодаря собратьям по разуму из Межгалактического альянса человечество вырвалось в глубокий космос, и постепенно появилась потребность дать отдаленным галактикам и светилам внятные имена. Это делалось вовсе не ради романтики. Ведь в пространстве, где действует только радиосвязь, а принимать решения нужно быстро, обозначения типа «ASDF-519» прозвучат не вполне разумительно. Легче произнести одно короткое имя.

Солнце здешней системы – Айни. Инопланетяне добрались сюда раньше землян, поэтому назвали окрестные небесные тела, как им заблагорассудилось. К счастью, названия оказались короткими и легко воспроизводимыми на большинстве звуковых языков. Проблемы иногда возникают лишь с Тиатарой. Некоторые существа варьируют произношение («Циатара», «Чьатава», «Тьатала»), но в окрестных звездных системах нет объектов со сходными именами, так что путаницы не возникает. А в навигационные программы по-прежнему вводятся цифры. Компьютеру все равно.

В системе Айни четыре планеты. Две из них, Кална и Дунна, слишком близко к звезде, и на них запредельно высокие температуры. Они, естественно, необитаемы. Еще одна планета, Сулета, наоборот, находится за Тиатарой, почти на краю системы Айни, и там холодно, сумрачно, а атмосфера слишком разреженная. Однако на Сулете, покрытой толстыми льдами, обнаружена органическая жизнь в виде бактерий и примитивных, но невероятно выносливых миниатюрных существ типа земных тихоходок. На Сулете действует научная станция, где работают представители тех миров, которые не нуждаются в кислороде и в солнечном свете. Возможно, со временем на Сулете возникнет жилая колония. Вопрос упирается в средства. Исследования финансируются Межгалактическим научным советом, а колонии – теми, кто напрямую в них заинтересован.

Как правило, ни один из разумных миров не может позволить себе содержать собственную колонию на таком огромном расстоянии от метрополии. Пример Земли и ее поселений на Луне и на Марсе тут не годится – Луна, считай, просто рядом, да и Марс, в общем, недалеко. И то сколько возникло проблем на первых этапах. Сейчас-то уже марсиане выделились в особую расу, отличную от землян. И большинство из них на Земле никогда не бывало, да и не рвется туда. Марс был преобразован под нужды людей, однако условия там совершенно другие, и с непривычки всё кажется еще более неудобным и странным, чем на орбитальной космической станции. Впрочем, я находилась на Марсе недолго, транзитом, мы ждали рейса на Энцелад, и за пределы карантинной зоны нас не выпускали. Из иллюминаторов станции не просматривалось ничего интересного, пейзажи показались мне мрачными, тусклыми и однообразными. Самим марсианам их родина, как известно, нравится. Она воспета художниками и поэтами. Арпадан, где я училась в школе и где остались мои родители и друзья, кое-чем похож на Марс, только он, в отличие от красноватого Марса, серебристо-черный с подпалинами.

Тиатара – планета земного типа. Она лишь немного объемнее и массивнее Земли. Сила тяжести несколько отличается, но к этому нетрудно привыкнуть. Сутки длятся почти двадцать

шесть земных часов, год – триста тридцать восемь суток. Атмосфера пригодна для дыхания без скафандра. И воды здесь вдосталь, хотя Тиатару не сравнишь ни с Землей, ни с океанической Намму. Тиатара – планета рек, озер и огромных болот. Моря тоже есть, но некоторые из них – сезонные. Появляются, когда влаги вокруг в избытке, и сильно мелеют, когда наступает долгая засуха. Ученые спорят, можно ли считать здешние моря частями рассредоточенного океана. Скорее всего, планета пока еще формируется, и в будущем не исключены радикальные изменения.

Природные катаклизмы зависят не только от смен времен года и перепадов температур, но, прежде всего, от движения лун. У Тиатары их две, Тинда и Сатинда.

Тинда вращается по более близкой орбите, Сатинда – по дальней. Поскольку периоды обращения у них разные, чаще всего они появляются на небе порознь. Тинда выглядит розоватой или серебристо-серой, Сатинда – почти багровой, в зависимости от угла освещения. Однако время от времени они синхронизируются, и Тиатара реагирует довольно активно. Ливни, сильные грозы, электромагнитные или песчаные бури. К счастью, танцы двух лун с последующими выплесками энергии бывают недолгими. Метеорологи предупреждают о них заранее, и в этот период полеты запрещены, а занятия происходят дистанционно.

Привнесенная цивилизация сосредоточена в обитаемой зоне, границы которой законодательно утверждены Межгалактическим альянсом. Природа незаселенной части планеты остается девственной и заповедной; наблюдение за нею ведется только с воздуха, без вмешательства в естественные процессы.

Из космоса Тиатара кажется покрытой беспорядочными заплатками разных цветов. Почти вся растительность здесь красного, синеватого и серебристо-серого цвета. Лишь сугубо водные растения бывают темно-зелеными. Вода тоже не голубая, а где-то серая, где-то желтоватая от ила и взвеси, где-то красновато-коричневая, где-то почти черная. И лишь при определенных условиях освещенности она кажется синей или лиловой.

Наверное, для тех, кто прибыл прямо с Земли, это выглядит непривычно. Но я-то после нескольких лет, проведенных под куполом на Арпадане, радуюсь многоцветию здешней флоры.

Фауна здесь неразумная и преимущественно хищная. Меня сразу предупредили, чтобы я не вздумала в одиночку гулять где захочется. Лучше взять с собой проводника или опытного... хотела уже написать, «человека», но люди тут в меньшинстве. Скажем, любого, кто успел освоиться на Тиатаре. Для первокурсников Колледжа космолингвистики устраивают ознакомительные экскурсии; я на таких уже побывала, и мне пока что достаточно.

Местность может выглядеть соблазнительно безопасной: мирный красноватый лужок у прозрачной янтарной воды, кусты мараджики с багряными листьями и синими ягодами, нежный свист летающих ящерок, серебряный шелест шестикрылых стрекоз, плеск полосатых рыбешек на мелководье... Но под травкой – зыбучая трясина, у стрекоз очень мощные челюсти и ядовитый укус, в тростниках запросто обнаруживается местный шестиногий крокодил, баадар – такой же тупой и обычно голодный, как его земные собратья, а рыбешки сродни амазонским пираньям и в несколько минут обглодают тебя до скелета, если ты не панцирный и не чешуйчатый, а теплокровный и тонкокожий. Красиво свистящие крылатые ящерицы, джайки, тоже очень зубасты, и, хотя на крупную дичь не охотятся, укусить могут сильно – не со зла, скорей от испуга.

По берегам болотистых водоемов встречаются кварры – крупные нелетучие птицы с огромными клювами, живущие возле болот. Клювом, впрочем, они могут долбануть очень сильно, но сами не нападают. Их пища – водяные змеи, моллюски, всякие ракообразные. Другая разновидность птиц, похожих скорее на птеродактилей – аваххи, эти как раз хищники, промышляющие как живой добычей (обычно рыбой), так и падалью (тогда могут сожрать и

баадара). В сумерках на охоту вылетают уйшу – рукокрылые грызуны, они питаются насекомыми, роящимися над стоячей водой; в городах эту нечисть повывели во избежание эпидемий.

Мирным нравом отличаются земноводные зверушки, живущие небольшими стадами – варати. Их даже разводят на фермах ради шкурки и мяса, а в сельской местности держат как домашних животных. Но в шкурках варати такое количество паразитов, что к диким особям лучше не приближаться и не прикасаться.

Как ни странно, вполне безобидны суурды – существа вроде броненосцев, панцири которых снабжены устрашающими шипами. Шипы служат только для самозащиты. Если к суурду не приставать, то сам он не нападет, поскольку ест траву, грибы и корни, и плохо видит уже в двух шагах. Я сперва приняла пару суурдов, неспешно передвигавшихся по багровой лужайке, за садовых роботов, косящих газон. Одногоруппники долго потешались над такой аналогией.

Ох, я же всегда говорила, что биология – ну совсем не моё.

Некоторые знакомые из числа землян иногда сетовали: бедная девочка, выросла среди металла и пластика, вечно под куполом или в скафандре, уже давно и не помнит, что такое бегать босиком по песочку и травке, загорать на солнышке, плавать в море... А я совершенно не ощущаю, будто мне прямо так уж необходимы все эти радости. Смутно помню и море на Юкатане (я была маленькая, а волны большие, да и акулы там вовсе не редкость), и палящее солнце, от которого мне приходилось прятаться, чтобы не сгореть. Травка?.. Однажды в раннем детстве я побегала по газону на подмосковной даче у бабушки Юлии Анатольевны. Поранила ногу об остроконечный сухой остаток стебля, не поддавшийся газонокосилке. Кровища, слёзы, доктор, бинт... Отличное развлечение. Нет уж, мне как-то привычнее цивилизованный быт. Пусть тесновато, зато никаких неприятных сюрпризов. А Тиатару я буду осваивать постепенно.

Пара слов о себе

Наверное, я когда-нибудь обнаружю мои дневники. Раз так, то нужно, пожалуй, представиться.

Я – Юла. Так меня называют родные, друзья и знакомые. Мне нравится это прозвище. Но вообще-то Юла – это еще и сокращение от моего полного имени, Юлия Лаура. Фамилия тоже двойная: Цветанова-Флорес.

Мой папа, Антон Васильевич Цветанов – консул Земли на межгалактической станции Арпадан. Мама, Лаура Флорес Цветанова, работает там же начальником внутренней таможни (есть и внешняя, при космопорте). Уже после моего отлета с Арпадана у них родился сын, мой братик Виктор. Я его еще не видела, но очень надеюсь увидеть, хотя это, признаться, проблематично.

Родители должны были очень сильно меня любить, чтобы отпустить так рано в свободное плавание, из которого я, вероятно, никогда больше к ним не вернусь. Я тоже люблю моих папу и маму, скучаю по ним и мысленно постоянно с ними беседую. Они замечательные! Однако они понимают, что выбор профессии – это крайне серьезно и важно.

Не имей я четких понятий о том, чем хожу заниматься, я бы, скорее всего, осталась на Арпадане. Для космобиологов и медиков там вообще раздолье, и если специализироваться в этой области, то лучшего места не сыщешь на сотни парсек вокруг. Институт Арпадана, Институт космобиологии, Институт Намму, Медицинский центр, Биостанция с Дикой зоной... Тем, кто дружит с техникой, тоже отлично: при космопорте есть курсы на уровне колледжа, там готовят и пилотов, и инженеров, и электронщиков, и ремонтников. Мой приятель и, признаться, предмет моих давних мечтаний, юный барон Карл-Макс Ризеншнайдер цу Нойбург фон Волькенштайн, решил пойти на эти курсы. Квалификация пилота у него уже есть, однако диплом инженера тоже не помешает. Аристократы – они не только снобы, но часто еще и перфекционисты.

Мой конек – языки. И уже в школе учителя в один голос твердили, что мне самое место – в Колледже космолингвистики.

Тиатарский Колледж космолингвистики, конечно, не единственный во Вселенной. На Земле в университетах тоже есть отделения, где обучают этой специальности. Однако там нет ничего подобного здешней системе, основанной на богатейшей практике. Всё-таки инопланетные существа не представлены на Земле так разнообразно, как на Тиатаре. Да и самим инопланетянам Земля не особенно интересна. Всё, что им нужно знать про неё, они уже знают. Добираться до Солнечной системы из других уголков Млечного Пути, и тем более из соседних галактик, очень трудно. Если собратья по разуму и прилетают на Землю, то по важным делам, и контактируют с ними лишь немногие уполномоченные сотрудники глобальных и космических организаций. Для такого общения достаточно знания космолингвы, а владеть языками разных миров совершенно не нужно. Поэтому космолингвистика у землян имеет своеобразный характер – я бы сказала, академически-провинциальный, хотя со стороны первокурсницы такое суждение, конечно же, наглость.

Слово «космолингвистика» я впервые услышала еще в детстве, на станции «Энцелад-Эврика». Оно мне страшно понравилось, как и другое красивое слово – астрофизика. Но ученые-астрофизики на станции работали, а космолингвисты – нет, и никто из взрослых не мог мне толком растолковать, в чем суть этой профессии.

Космолингвист – тот, кто умеет говорить на искусственном языке, космолингве? Нет, хотя совершенное знание космолингвы автоматически предполагается. Или космолингвист – тот, кто владеет несколькими инопланетными языками? Тоже нет. Для таких специалистов

существует старинное понятие полиглот. Способность усваивать языки бывает врожденной. У меня она есть. Я понятия не имела, что я полиглот, когда с раннего детства легко переключалась с языка на язык, не путая их между собой. Русский, испанский, юкатекский, английский, немецкий – а потом уже просто без остановок: разговорный китайский, португальский, латынь, древнегреческий, итальянский, французский... На Арпадане я выучила японский и турецкий, поскольку моим одноклассником оказался Ясухиро, японец, а соседкой и приятельницей – турчанка Фатима. Из инопланетных языков в мою коллекцию на «Энцеладе-Эврика» добавились таукитянсий и аисянский (на очень поверхностном уровне), а на Арпадане – сиггуанский, алечуанский, кучуканский и угундукский. С сиггу мы часто общались на Арпадане по разным поводам, хотя близкой дружбы не вышло, так уж сложилось. Зато угундукцы Угуко и его мама госпожа Игуники, похожие на огромных муравьедов, очень мне нравились. Но всё это отнюдь не делало меня космолингвистом.

Обитатели Арпадана настолько привыкли общаться через лингвочипы, что даже не задумывались о том, как эти устройства работают, мгновенно преобразуя любой язык в космолингву и воспроизводя звуковую речь в почти натуральном виде, только с механическими интонациями и порой смешноватой лексикой. На Земле, как рассказывали мне родители, тоже использовались похожие электронные переводчики, и никто не видел в них никакого чуда. Правда, в эти устройства почти никогда не встраивались инопланетные языки, кроме космолингвы, но ведь на Земле полно своих языков, которые по причудливости фонетики и грамматики стоят многих инопланетных. Про графику я вообще молчу. До сих пор самая безобидная кириллица почему-то вызывает ступор у людей, владеющих несколькими романскими и германскими языками. А уж красивые алфавиты вроде арабского и грузинского многим кажутся совершенно непостижимыми. Думаю, это просто от нежелания вникнуть. Космолингвисты приходят от них в экстаз, чем заковыристей графика, тем для них увлекательнее.

Зачем нужны живые космолингвисты, я отчасти поняла, когда потребовалось расшифровать отрывочные слова подводных обитателей Намму, не очень отчетливо записанные лингвочипом отважного Вилли Сантини-Рунге – первого, кто сумел вызвать их на контакт. Обычный лингвочип – это просто умный прибор. В него вложена информация огромного объема, но того, чего в нем нет, сам он осмыслить не может. Исключения крайне редки, и они могут касаться лишь языков, в какой-то мере аналогичных тем, что уже зафиксированы и внесены в программные файлы. Но тогда нужен лингвочип с искусственным интеллектом, а такие встречаются не на каждом шагу, ведь они намного дороже обычных. И за искусственным интеллектом, способным быстро обработать и структурировать огромный объем информации, скрывается работа космолингвистов.

Знание множества языков, по возможности совершенно разных, для космолингвиста практически обязательно. При этом изъясняться на них совершенно свободно не требуется. Нужно чувствовать дух и склад языка, понимать, что такое язык как система, как он связан с мышлением, где проходит граница между буквальным, но неправильным переводом и не буквальным, но верным по смыслу, каковы в каждом случае нормы использования той или иной лексики в зависимости от ситуации, как точнее воспроизвести чужеродную данному языку инопланетную фонетику, и так далее. То есть, помимо лингвистических и филологических знаний, от космолингвиста ожидается осведомленность об истории, культуре и этике разных миров и разных эпох. Поскольку на космолингве ведутся разговоры не только на общие темы, нужно знать лексику и терминологию практически всех наук, а также номенклатуру минералов, флоры и фауны всевозможных планет. Фонетический слух тоже важен, и здесь подспорьем может быть абсолютный слух музыкантов или способность к звукоподражанию голосом.

С переводами поэтических текстов лингвочип справляется хуже всего. А для некоторых культур они чрезвычайно значимы, поскольку их священные книги состоят из стихов, и любое

искажение смысла может быть воспринято как чудовищное святотатство. Значит, без живого разума космолингвиста здесь тоже не обойтись.

Наконец, поскольку итоговым результатом работы космолингвиста становится собственно лингво칩 с соответствующими программами, космолингвист должен быть квалифицированным программистом. Конечно, в центрах космолингвистики, где составляются программы и производятся лингво칩ы, трудятся и собственно программисты, но они отвечают лишь за качество конечного продукта – отсутствие брака, сбоев, глюков и прочих неприятностей. На Тиатаре всё работает в комплексе: Колледж готовит специалистов, Институт космолингвистики занимается исследованиями вновь открытых языков и составление программ для лингвочипов, а промышленный комплекс производит матрицы и девайсы, поставляемые далеко за пределы системы Айни.

Соседи

По сравнению с Арпаданом, где землян довольно много, на Тиатаре преобладают представители других космических рас, о которых я до прилета сюда и не слышала.

Здесьнюю цивилизацию создали выходцы с погибшей планеты Уйлоа и привезенные ими на Тиатару уроженцы планеты Тагма. Как это вышло, я расскажу потом. Пока же замечу, что они очень разные, спутать нельзя. Уйлоанцы – высокие, гибкие, с серо-зеленоватой слегка чешуйчатой кожей. Волос у них нет, но на макушке чешуя становится более плотной и темной по цвету – у кого-то коричневой или зелено-болотной, у кого-то тускло-серой, и издали кажется, будто у них короткие стрижки или шапочки на голове. Помимо двух нижних глаз, которые больше по размеру, чем человеческие, имеется еще и третий; я думаю, он нужен для видения в полумраке или в воде, а при ярком свете нередко бывает закрыт. В первое время я невольно вздрагивала, когда собеседник вдруг раскрывал третий глаз. Впечатление, признаться, не слишком приятное. Но я постараюсь привыкнуть.

Поскольку жара и солнце уйлоанцам не по нутру, они носят просторные одеяния и стараются проводить дневные часы в помещениях. Женщины, выходя под открытое небо, надевают изящные легкие шляпки из соломки и синтетических кружев либо используют защитные зонтики. Мужчины могут накинуть на голову капюшон, если пекло совсем уж невыносимое.

Тагманцы, наоборот, обожают солнечный свет. Они приземистые, мускулистые, крепко сбитые, у них темная кожа красноватых оттенков, глаза – коричнево-желтые, волосы жесткие и короткие, как колючки на кактусе. Сзади у них имеется небольшой толстый хвост – вероятно, рудиментарный; его скрывают пышные юбки, которые носят как женщины, так и мужчины, только у женщин они разноцветные и украшены этническими орнаментами.

Земляне прибыли сюда позже, но тоже считаются законными жителями Тиатары, хотя их намного меньше, чем тагманцев и уйлоанцев.

Остальные – гости из разных миров, прилетающие сюда учиться или работать.

Новеньким помогают освоиться не только опекуны, назначаемые несовершеннолетним, но и тьюторы – волонтеры из числа старшекурсников.

Моим тьютором оказался светящийся гуманоид с Виссеваны, которого я сразу же мысленно прозвала «Фонариком», поскольку его настоящее имя Фаррануихх Веррендарр. Виссевана – планета в соседней звездной системе, она тоже землеподобная, только климат там специфический: очень влажный, с почти постоянными грозами и сумрачным небом. Наверное, потому автохтонное население Виссеваны обзавелось светоцветовой сигнальной системой общения. Помимо умения светиться в темноте или в сумраке, им свойственно изменять цвет кожи в зависимости от испытываемых эмоций.

Фонарик провел меня по всем нужным инстанциям и заведениям. Регистрация и получение удостоверения и эмблемы колледжа в разных вариантах (от кулона до чипа), подключение к сети колледжа и к сети Тиатары, открытие счета в коксах (космических кредитных системах) и выдача части стипендии в местной валюте (здешние деньги называются риндами и сильсилями), краткая экскурсия в инфоцентр, столовую (студентов кормят бесплатно, а нуждающимся в особом питании выдают паек, но можно купить еду в магазине или заказать деликатесы за свой счет), медицинский центр, рекреационно-спортивный центр, учебно-административное здание – и, наконец, в жилые кварталы кампуса.

Архитектура на Тиатаре мало напоминает земную, тут царит беспечное разнообразие форм. О симметрии никто не заботится. Высотных зданий не строят – их дорого содержать и обслуживать. Два-три этажа в крайнем случае. К тому же не всем удобно пользоваться лестницами и лифтами. Кое-где вместо лестниц витые пандусы, и это сделано вовсе не для инвалидов.

Некоторым существам привычно жить в комнатах, пользоваться мебелью и спать в постели. А другим подавай прохладный грот, или мелкий водоем, или башню с широким окном, в которое удобно влететь или вылететь. На здоровье! Есть даже капсульные помещения со специальной температурой и особым составом воздуха. Уж не знаю, насколько нужно быть фанатом космолингвистики, чтобы провести несколько лет в замкнутой камере, не выходя на поверхность. Разумеется, подобных чудиков очень мало, и учатся они дистанционно, не появляясь в общих аудиториях. Спрашивается, зачем тогда вообще сюда прилетать? Но межпланетная связь – очень медленная и дорогая, полноценно учиться таким образом невозможно.

Со мною живут в основном гуманоиды. Первая, с кем я познакомилась – второкурсница Саттун, представительница кремниевой расы тактаи с планеты Шерот. Она вся коричнево-фиолетовая, с очень узкими глазами и ртом. Не желая смущать других гуманоидов, особенно землян, Саттун носит комбинезон, хотя в одежде совсем не нуждается – ей не бывает ни жарко, ни холодно. На Арпадане тактаи, как и сиггу, работают в космопорте – они могут дышать арпаданским воздухом, а к низким температурам не чувствительны. Саттун собирается специализироваться на техническом переводе, необходимом для обслуживания космолетов из разных цивилизаций. Но для этого нужно сначала пройти общий курс космолингвистики.

Другая моя соседка – Эйджонг, гуманоид с Диоссы. Она похожа на древние земные изображения чертей – темношерстная, рогатая, хвостатая, красноглазая, с копытами на ногах. Ну, такие у них на Диоссе условия, что эта форма оказалась оптимальной для выживания. На самом деле у нее наверху не рога, а рецепторы вроде антенн, только натуральные, и очень чувствительные. На Диоссе адский климат, в воздухе постоянно висит какая-то взвесь, и «рога» служат прежде всего для ориентации в пространстве и обнаружения себе подобных. Хвост – дополнительная конечность, тоже не лишняя. Если руки заняты, то держаться за что-нибудь или друг за друга во время очередной бури можно хвостом. А копыта на самом деле не совсем копыта, это сильно ороговевшая кожа, приспособленная для ходьбы по раскаленным пескам, колючкам и острым камням.

Эйджонг очень милая, и мы, наверное, будем дружить. Саттун не столь жизнерадостна и общительна, но тактаи всегда такие – технари и прагматики, зато очень надежные коллеги и отличные профессионалы, неподвластные ни фантазиям, ни сантиментам.

Три наших комнаты, Саттун, Эйджонг и моя, выходят в общий холл, где приятно собраться с друзьями, поболтать или позаниматься всем вместе. А с четвертой стороны, рядом с лифтом и пандусом – помещение самой необычной нашей соседки. Ее зовут Ийяйя, она с планеты, которая на наших картах до сих пор числится под буквенно-числовым кодом МЮ-618, а на самом деле называется Айайоуйэюйоа. По слогам запомнить нетрудно, особенно если вникнуть в значение: «Прекраснейший из миров». Ийяйя напоминает морской огурец, или голотурию, только ростом с ребенка лет семи-восьми. Передвигается она при помощи нижних щупалец, растущих вокруг пружинистой подошвы с присосками. Мебель ей не нужна, но необходим неглубокий бассейн с водой, в котором она и спит, и ест, и работает. Верхние щупальца служат для мелких манипуляций, и ими она прекрасно управляется с кнопками, джойстиком, пультами и пищевыми предметами.

Разумеется, при распределении соседей в общежитии учитывают вкусы каждого. Вряд ли рядом со мной оказалось бы существо, для которого лучший деликатес – это чуть подтухшая рыба (в анкете для поступивших каждый указывает, какие бытовые привычки кажутся для него неприемлемыми). Ийяйя питается, как я выяснила, планктоном и водорослями, и тиатарские ей вполне подходят. В ее помещении свой микроклимат, но нас это не беспокоит, у нее вместо двери сенсорный шлюз. А когда ей хочется пообщаться, она выползает на своих ножках-присосках в холл. Подолгу оставаться без воды ей трудно, но часок вполне может вытерпеть. Если накрыть ее влажной простычкой, то и больше. На обычные занятия она не ходит, но примерно

раз в три дня ее вывозят в общий бассейн, где собираются представители водолюбивых народов. Ийяйя здесь третий год, новички – только я и Эйджонг.

Над нами живут существа, которым привычнее летать, чем подниматься и спускаться ногами. Одна из соседок – сильфида, не знаю пока, как зовут, но сильфиды были на Арпадане, они чудо как хороши. Другая – рукокрылое создание, тоже миленькое. Я видела, как она выпорхнула из окна и, изящно планируя, устремилась куда-то в сторону административного корпуса. Есть ли там наверху кто-то еще, я пока не выяснила, успеется.

Рядом – жилище для юношей и для тех, чей гендер не поддается определению. Внизу поселился мой друг и поклонник, драконоид Рэо с планеты Орифия. Я уже писала в первой части моих хроник о том, как он появился у нас в классе на Арпадане, как я пыталась объяснить ему сюжет «Ромео и Джульетты», и как он вообразил себя Ромео и признался мне в вечной любви. У них на Орифии понятие о любви совершенно отсутствует, и мне кажется, он скорее нафантазировал себе это чувство, которому мы, земляне, придаем такое значение.

Больше того, он тоже захотел стать космолингвистом! В отличие от меня, он сдал тесты лишь удовлетворительно, и за его обучение платят некие Мудрейшие с его планеты, решившие, что космолингвист им будет полезен, и вообще – чем они хуже любой другой расы. Способности у Рэо, безусловно, имеются, но думаю, не столько к лингвистике, сколько к словесности как таковой – он принялся сочинять стихи, и для драконоида делает это очень неплохо. Надеюсь, его увлечение мною скоро выветрится под натиском множества свежих знакомств.

Сосед Рэо – бесполое и аморфное существо с Келлои (понятия не имею, где это находится, вероятно, в другой галактике). Еще на Арпадане мы четко усвоили, что бывают инопланетяне, лишённые пола или андрогинные. Программирование нам преподавало почтенное Чулло с планеты Алечуа, а в медицинском центре работало достопочтенное Льюлло-Льюлло – крупное светило в своей научно-практической области. Но эти двое обладали по крайней мере определенной формой, подушкообразной со втягивающимися и вытягивающимися конечностями. А келлойское создание, зовущееся просто Фью (произносится с легким присвистом), выглядит растекшейся студенистой кляксой, мимикрирующей под цвет и фактуру окружающего пространства. Лишь присмотревшись, можно заметить просвечивающие внутренние органы и необычайно изящный и гибкий каркас, способный принимать любую конфигурацию. Фью умеет прикидываться гуманоидом – вернее, привидением гуманоида. Мозг у него рассредоточен по всему телу и может перетекать туда и сюда. С непривычки трудно к такому привыкнуть, а еще трудней не наступить ненароком на Фью, приняв его за полупрозрачный массажный коврик. Обычно его границы видны как тонко очерченный контур.

Третий житель пещерного яруса – улиткообразный таукитянин. У меня даже сердце ёкнуло, когда я об этом узнала. Не могу забыть мою чудесную Эун-Ма-Дюй-Чи, космопсихолога со станции «Энцелад-Эврика». Неужели она так и останется там навсегда? Тиатара гораздо лучше бы подошла ей по климату. Но эта планета так же далека от ее родного мира, как от Земли. Имя студента-таукитянина – Воу-Во-Кей-Сю, я уже мысленно перекрестила его в «Вову», хотя мы едва знакомы, и он страшно удивился тому, что я говорю на его языке. Надеюсь, мы будем часто встречаться и болтать на таукитянском.

Верхний сосед Рэо, Фью и таукитянина «Вовы» – гуманоид из местных, уроженец Тиатары. Поскольку его семья живет далеко от колледжа, в городке Миарра, ему предоставили место в кампусе. Зовут его Маттэ, он второкурсник, поэтому предложил обращаться к нему за любой помощью, если наш тьютор Фонарик окажется занят или недоступен. Приятный юноша этот Маттэ, хотя по земным понятиям красавцем его не назовешь. Типичный тагманец, правда, довольно высокий, но с квадратной фигурой, желтоглазый, лопухий и, естественно, малость хвостатый. Однако он ходит не в юбке, а в уйлоанских просторных штанах.

Я не собираюсь здесь описывать всех обитателей кампуса и всех моих однокурсников. Просто хочу дать понять, в каком окружении мне предстоит провести лет пять, если вдруг меня не отчислят за неуспеваемость.

Комнатка в общежитии очень уютная и удобная. Санузел собственный. Вся мебель модифицируется. Ночью – спальня, днем – кабинет. Хотя в столовой кормят отлично, можно приносить еду в общежитие. Есть приспособление для кипячения воды, чтобы заварить себе чай или кофе. Как ни странно, кофе на Тиатаре имеется, причем натуральный, с местных плантаций, начало которым положили пришельцы с Земли. Правда, кофе довольно дорог, да я к нему и не привыкла, лучше пить чай из здешних трав. Еще мне понравились сухие продукты и концентраты фирмы «Фарфар», они качественные и вкусные. Поскольку готовить я не умею, для меня это просто находка. Открыл и поел. Если блюдо жидкое, вроде супа, пюре или каши, разбавил водой. Поначалу, правда, вкус казался не очень привычным. В ингредиентах – местные виды рыбы, моллюсков, водорослей, мучнистых корней. Но опыт жизни на станции «Энцелад-Эврика» и на Арпадане приучил меня есть всё, что может принять организм. А может он очень многое! Кроме того, что шевелится или ползает.

Опекун

Своего опекуна, магистра Джеджидда, я видела на Арпадане лишь издали. Восторга он, искренне признаться, не вызвал.

Во-первых, внешность скорее отталкивала, чем внушала симпатию. Высокий, длинный, серо-зелёный гуманоид с тремя глазами и пристальным непроницаемым взглядом. Во-вторых, держался он холодно и надменно, хотя профессией, разумеется, владел превосходно, и зря я запальчиво думала, будто он, расшифровывая дельфиний язык, отнесся к задаче небрежно. Напротив, многие удивились, что у него вообще получился какой-то результат, ведь он ничего не знал про дельфинов и их способы коммуникации. Рэо считает магистра Джеджидда великим космолингвистом, ибо тот легко освоил язык драконоидов и уже успел выпустить на эту тему книгу (скорее, пособие с лингвистическим очерком, разговорником и словарем). Мой тьютор Фонарик – Фаррануихх – тоже очень высокого мнения о магистре Джеджидде и собирается писать под его руководством свою собственную магистерскую. Наконец, столь уважаемый человек, как барон Максимилиан Александр Ризеншнайдер цу Нойбург фон Волькенштайн, поручился за безупречную добропорядочность магистра Джеджидда. Раз так, то с какой стати мне привередничать? Опекун – не жених; как он выглядит, не должно меня волновать, лишь бы не слишком свирепствовал.

Едва я успела разместиться и немного освоиться в кампусе, как Фонарик прислал сообщение: я должна явиться в деканат переводческого факультета и познакомиться с опекуном. На всякий случай заботливый тьютор напомнил маршрут и разрисовал его стрелочками, будто я совсем уж тупица.

Через пару минут пришло послание от самого магистра Джеджидда, причем не на космолингве, а на русском: *«Здравствуйте, Юлия Антоновна Цветанова-Флорес. Ожидаю вас в деканате через полчаса. Надеюсь на пунктуальность»*.

Я дожевывала свой полдник и не стала ни слишком спешить, ни заморачиваться нарядами. А когда поняла, что до встречи осталось всего семь минут, погнала со всех ног. Бегаю я быстро. Другое дело, что вид после этого не всегда аккуратный. По дороге я споткнулась о камешек и упала. На коленке возникла рваная дырка, а на коже – свежая ссадина. Брюки-то старые, ткань непрочная. Ерунда! Встала, отряхнулась, ладони вытерла о штанины, ссадину потерла слюной. Сойдёт. Мыться некогда.

Зато я не опоздала.

В деканате сидела спокойная величавая дама, напоминавшая статую из серовато-белесого камня. У нее тоже было три глаза, только верхний выглядел тусклым и словно атавистическим.

Над ее столом красовалась надпись: «Декан Темара Ассур». Интересно. Декан без научной степени? Так бывает?..

– Добрый день, госпожа декан! – обратилась я к ней первой, соблюдая субординацию. А потом добавила: – Здравствуйте, эээ...

– Магистр Джеджидд, – отозвался довольно хмуро мой попечитель.

Смотрел он на меня как на лесную зверушку, случайно забежавшую с улицы на собрание очень занятых и очень умных людей.

– Юлия, позвольте представить вам вашего опекуна, – сказала Темара Ассур. – Магистр Джеджидд – один из ведущих преподавателей колледжа. И блестящий космолингвист, у которого вы сумеете многому научиться.

– Очень рада, – с не очень-то радостной миной заявила я.

– Sincerely? – спросил он вдруг по-английски с приличным произношением. – You don't seem to look very happy.

– Se necesita un tiempo para conocernos mejor, – ответила я из вредности по-испански и для наглядности сразу перевела на немецкий: – Man braucht Zeit sich besser kennenzulernen.

И не удержалась, чтобы не проронить по-русски сакраментальное «Стерпится – слюбится».

– Na ja, selbstverständlich, – согласился он как ни в чем не бывало и тоже легко перешел с языка на язык: – Estoy completamente de acuerdo.

Его испанский выговор звучал чуть похуже немецкого, но тоже вполне ничего.

– *Киокьо чуай лалло ньюллио фи!* – ввернула я поговорку на алечуанском, которая значит «радость приносит только точное знание».

– *Ньюллио лалло куа кешиану ва эйе,* – немедленно возразил он, то есть: «Точное знание возможно лишь в математике».

Я замялась, подыскивая достаточно остроумный ответ.

– Хорошо. Предварительный тест вы сдали, – прекратил он эту дуэль полиглотов, перейдя на обычную космолингву.

– Я вообще-то сдавала тесты при поступлении, – напомнила я.

– Этот был на реакцию и на фонетику.

– А провалила бы – выгнали бы?

– Вы хотите быть выгнанной?

Тон, которым он это спросил, мне совсем не понравился. Не хватало еще начинать учебу с конфликта.

– Извините, магистр Джеджидд. Разумеется, не хочу. Я добиралась до Тиатара в транс-камере. Это, знаете ли, удовольствие среднее.

– Знаю.

Ах да, он ведь недавно летал на Орифию, а потом с Арпадана на Тиатару.

– Сядьте, Юлия, – приказал он таким повелительным тоном, что я на автопилоте приземлилась на стул, едва успев прикрыть ладошкой дыру на штанине. Руки, конечно, тоже в пыли. И башка разлохматилась. Хороша! А и ладно, я же не красоваться пришла. И вряд ли этот неприветливый хмырь разбирается в дамских нарядах. Сам-то он облачен в балахон болотного цвета без малейших претензий на элегантность.

– Надеюсь, с уставом Колледжа вы уже познакомились? – осведомился магистр Джеджидд.

– Простите, нет ещё. Не успела.

– Сделайте это безотлагательно. Очень странно поступать в заведение, правил которого вы не знаете.

– Надеюсь, неуспевающих тут не жарят на углях? Остальное не страшно! – сострила я.

– Неуспевающих отчисляют. И я обязан следить, чтобы вас в этом списке не было.

Похоже, к шуткам он совершенно не расположен.

– А что еще вы обязаны?

– Прочитайте контракт.

Контракт оказался распечатан на настоящей бумаге. И подписан как моими родителями, так и магистром Джеджиддом. Подписи папы и мамы, правда, были электронными, но печати Колледжа – подлинными.

Согласно контракту, опекун обязан заботиться о моем здоровье, успехах и благополучии до моего совершеннолетия. Он всецело отвечает за меня, и стало быть, я должна согласовывать с ним свои дальние передвижения, свои крупные траты и все вопросы, касающиеся проблем успеваемости, конфликтов с соучениками, преподавателями и местными жителями, а также моей физической неприкосновенности.

– Вам понятно содержание документа? – спросил он как судья, оглашающий приговор преступнику.

– Да. Вообще ничего нельзя! – грустно хмыкнула я.

– Отчего же. Многого можно. В пределах кампуса – едва ли не всё. Однодневные экскурсии тоже позволены, но лучше сообщать, куда вы направляетесь, особенно на первых порах. Вряд ли в обитаемой зоне планеты вам угрожают опасности, но бывают несчастные случаи. В бурю любые перемещения категорически запрещены. На поездки с ночевками нужно постоянное разрешение либо тьютора, либо мое. Это ясно?

– Ясно, магистр.

– В вашем ведении будут карманные деньги, дабы вы не донимали меня пустяками вроде сладостей и не знаю чего, что еще любят юные девушки. Когда будет нужно приобрести дорогостоящую вещь, обращайтесь ко мне.

– А неприкосновенность – это если побьют?..

Вероятно, вопрос показался ему идиотским. И он буркнул:

– Или если вы сами кого-то побьете.

– Нет, магистр, ну что вы, я ни разу ни с кем не дралась! Я так выгляжу, потому что бежала к вам и упала. Но вообще на случай каких-нибудь стычек есть Рэо.

– А, ваш друг-драконоид...

– Он ради меня раздразнит кого угодно. Да хоть вас.

Я внезапно поймала взгляд декана Темары Ассур, полный безмерного удивления. Мои свойские манеры очевидно казались ей дикостью. А я пока не умела иначе. На Арпадане царила свобода. Уважение к учителям сочеталось с непринужденностью нравов. Общаясь же с разными взрослыми, я привыкла к презумпции равенства: со мной никогда не разговаривали как с маленькой. И хотя Карл-Макс пытался внушить мне почтение к этикету, я дрессировке не поддавалась. Зачем церемонии между друзьями? Но в Колледже, очевидно, другие порядки. А опекун – совершенно не то же, что друг.

– Извините, магистр Джеджидд, я, кажется, выбрала неуместный тон. Это из-за того, что у меня веселый характер. Я никоим образом не хотела разозлить вас или обидеть.

– Вы меня не разозлили и не обидели. Но слегка озадачили. Будем считать, что случилось недоразумение.

– Постараюсь так больше не делать, магистр.

– Отлично. Для начала, Юлия, выучите наизусть мой код. В критических ситуациях можно звонить даже ночью. Помогать вам – мой долг. Разумеется, я не буду пытаться заменить вам родителей. Но вы не должны ощущать, что вы здесь совершенно одна. При любых неприятностях – обращайтесь.

– Спасибо, магистр Джеджидд.

– Если нужно поговорить по душам, в Колледже есть космопсихологи. Гуманоидами занимается доктор Абель Финн.

– Вряд ли он мне понадобится. У меня нет проблем по психической части.

– Отрадно узнать. Проблемы, правда, есть с воспитанием. Но это пока еще поправимо. А сейчас мне пора. До встреч на занятиях.

– До свидания, господин опекун.

Он ушел, а декан Темара Ассур объяснила мне, насколько мое поведение выглядело отвратительным и недопустимо развязным. Магистр Джеджидд очень знатен и очень влиятелен. Он один из немногих родовитых уйлоанцев Тиатары, своего рода реликт, носитель погибшей цивилизации. И если уж он согласился представлять на Тиатаре и в Межгалактическом альянсе интересы какой-то Юлии Цветановой-Флорес, то я должна испытывать гордость за это отличие и вести себя подобающим образом. И не выглядеть так, как будто я в самом деле с кем-нибудь подралась.

Честно сказать, мне совсем не хотелось бы притворяться прилизанной паинькой. Раз уж он заключил контракт, не видя меня, то пусть получает такую, какая я есть.

Однако, не выходя из деканата, я тотчас записалась к магистру Джеджидду на курс уйло-анского языка.

Про учебу

Жажда знаний очень похожа на ощущение лютого голода. Кажется, дайте мне поскорее вот это всё, всё, всё, всё, – съем и не поперхнусь!

Сейчас я смакую перечень дисциплин, изучаемых на первом курсе.

Мммм... «Общая теория языка», «Классификация языков», «История цивилизаций», «История языков разумных существ», «Типология земных языков», «Принципы построения искусственных языков», «Языки программирования», «Графические системы», «Типы голосовых аппаратов», «Сравнительная фонология», «Теория и практика перевода»...

Внутри каждого лекционного курса – семинары, проходящие в маленьких группах или индивидуально. Некоторые обязательны для всех первокурсников (практические занятия по аналитической грамматике, фонетике, программированию, аудированию незнакомых языков и, конечно же, переводу), а другие предполагают выбор.

Я первым делом записалась на курсы по тагманскому и уйлоанскому языкам, по лингвистической терминологии (с этим у меня слабовато), по фонетическому моделированию (пока не знаю, что это такое, но название курса звучит увлекательно).

И это лишь программа первого курса. Дальше – больше! Там пойдут и сугубо индивидуальные занятия, и лабораторные и творческие работы, и практика, и много всего другого. Из чистого любопытства я заглянула в список предметов второго и третьего курса – ой!.. «Речевой этикет межгалактического общения», «Системы номенклатур инопланетной флоры и фауны», «Термины космографии и астрофизики», «Технический перевод», «Жаргон космонавигаторов», «Практическая космопсихология», «Поэтический перевод», «Языки подводных существ», «Основы коммуникации с искусственным интеллектом», «Гносеология и семиотика» ... Параллельно – практикум по программированию, очередная порция новых языков (чем больше, чем лучше), семинар «Невербальные языки» ...

Не знаю, как мне удастся справиться с таким количеством знаний. Однако меня ведь предупреждали, что нагрузки в колледже адские, и выдержать их способен лишь молодой организм с очень гибким и восприимчивым мозгом, крепкой психикой и хорошим здоровьем. Если у других получается, а я разве хуже?

С уставом Колледжа я всё-таки познакомилась. Интересный устав!

Никакого ректора нет. Всё решается коллегиально. В самых торжественных случаях собирается совет из пяти деканов. Они возглавляют пять факультетов: переводческий факультет, факультет фундаментального языкознания, факультет фонологии, факультет невербальных коммуникаций и факультет общей методологии (сюда относятся как программисты, так и преподаватели разных других дисциплин вроде истории цивилизаций, семиотики и эпистемологии). Более простые, но спорные случаи разбирает совет трех деканов – любых, какие смогут быстро собраться. В здании администрации постоянно работает секретариат, туда надлежит обращаться за справками, приносить заявления, записываться на индивидуальные консультации к педагогам, с которыми хочется пообщаться помимо занятий.

Студенты должны обращаться к преподавателям строго по должности и по фамилии. «Магистр Джеджидд» – это правильно. В уже начатом диалоге можно просто «магистр», но «господин Джеджидд» – нельзя, это с моей стороны будет расценено как фамильярность. «Господин опекун» – тоже где-то на грани приличия, но в целом терпимо. Преподаватели называют студентов чаще всего по фамилиям, но, если фамилии нет, а есть только имя – по имени. Поскольку моя двойная фамилия звучит громоздко, я обычно представляюсь как Юлия.

На первых двух курсах посещение всех занятий обязательно. Пропуск возможен только по медицинским или веским семейным причинам.

Да, насчет «физической неприкосновенности»! Наконец-то я поняла, что магистр Джеджидд имел под нею в виду. Это вовсе не драки.

По уставу, преподаватели и студенты обязаны соблюдать уважительное расстояние. Прикасаться друг к другу нельзя. Этакое универсальное *poli me tangere*. Студенты в своей компании могут и обниматься, и целоваться, но насилие над кем бы то ни было, в том числе сексуальное, сразу ведет к исключению и к депортации с Тиатары. Барьер пресловутой неприкосновенности автоматически защищает от любых посягательств. Исключение – чрезвычайные ситуации, когда нужно кого-то спасти или оказывать помощь при травме. Ну, допустим, я буду плавать в бассейне и начну тонуть – тогда меня непременно вытащит хоть декан, хоть профессор, если вдруг окажется рядом. А вот если какой-нибудь педагог вздумает погладить меня по головке, чтобы утешить после заваленной сессии, тогда мы сразу вылетим оба из Колледжа и разлетимся по разным планетам.

Абсолютно запрещено и проявлять какую-либо нетолерантность в отношении инопланетных существ, которые на тебя не похожи. Демонстративно оскорбительное поведение тоже приводит к исключению из Колледжа или изгнанию с Тиатары, и это касается как студентов, так и педагогов.

Все конфликты на территории Колледжа – в юрисдикции Колледжа. Заведение пользуется автономией, поскольку подчиняется не местным властям, а Межгалактическому совету по научным связям разумных миров (это одна из структур Межгалактического альянса). Если конфликт случился в каком-то городе, то принимается совместное решение: либо власти передают нарушителей Колледжу, либо разбираются сами. Но любое подобное происшествие почти всегда ведет к тем же самым печальным последствиям, что и расовая нетерпимость.

Мне кажется, эти строгости очень разумны. Подчиняться такому уставу не составит труда.

А приятности в нем тоже есть.

Внутри кампуса всё бесплатно. Жилье, еда в столовой, услуги инфоцентра, бассейн, спортивные сооружения, техника напрокат... Деньги приходится тратить лишь при внешних вылазках. Главное же – тут учат космолингвистике! Можно заниматься любимым делом с утра до позднего вечера! И это всячески поощряется: за успехи начисляются баллы, которые превращаются в дополнительную прибавку к стипендии!

Фонарик, то есть Фаррануихх, предостерег меня от того, чтобы сразу набрасываться на всё интересное: «Соизмеряй свои силы, подруга! И учти: за каждой установочной лекцией тянется хвост семинаров и контрольных работ. Как и когда ты их будешь выполнять, никого не касается. Некоторым существам, вроде вас, землян, нужно спать по несколько часов подряд каждый день. Не забывай про эту вашу особенность».

Совет мог бы показаться издевательским, но лишь на поверхностный взгляд. Действительно, есть же создания, которые спят незаметно, отключаясь на несколько минут и снова включаясь в реальность как ни в чем не бывало. А есть такие, которые бодрствуют целый сезон, но затем впадают в долгую спячку. Может быть, кто-то вовсе не спит. Попытки обмануть свою физиологию кончаются неизменно плохо. У студентов колледжа случались нервные срывы, а некоторые просто сходили с ума.

Я согласилась с Фонариком, не рискнув поручиться, что уж я-то наверняка не свихнусь. Мое нынешней эйфорическое состояние может вскоре смениться усталостью, раздражением, недовольством, тоской по родным. Из депрессии может развиваться психическое расстройство, из расстройства – ментальный сдвиг. Отрицать это глупо.

В день начала занятий Фаррануихх проводил своих подопечных – Рэо, Эйджонг и меня, – до аудитории, где ожидалась первая лекция курса «Общая теория языка». Смотрелись мы все вместе, наверное, весьма колоритно, однако нисколько не удивительнее многих прочих.

Имя преподавателя значилось в расписании, но оно ничего мне не говорило. «Профессор Лори Кан» – так мог именоваться кто угодно.

На лекторский подиум забежала какая-то девчонка. Ну, девушка. О, человек, как и я! Неужели это неправда, что я на курсе единственная уроженка Земли? Как здорово, если нас будет двое!

Она небольшого роста, заметно ниже меня. Худенькая и изящная, как статуэтка. Впрочем, статуэтка весьма подвижная и даже вертлявая. И вдобавок одетая довольно экстравагантно, в блузку и брюки невероятных цветов, перемешанных, как попало: белый, розовый, ярко-зеленый, сиреневый, черный, оранжевый. Вырвиглаз, а не гамма. Короткие волосы красновато-каштанового оттенка либо сами по себе завивались мелкими пружинками и колечками, либо такова была тщательно сделанная прическа. Веки пронзительных черных глаз с несколько восточным разрезом подчеркнуты синим, губы подкрашены алой помадой.

Мне всё это показалось безумно странным, и я не могла понять ее возраст. Я-то сама ни разу в жизни не красилась, засмеяли бы одноклассники. Если смыть с нее весь этот грим, то сколько ей лет?.. Двадцать пять?.. Чутьку больше?..

– Приветствую всех! – обратилась она, заняв место лектора. – Я профессор Лори Кан. Сегодня у нас вводная лекция по общей теории языка. Надеюсь, вы уж скачали необходимую литературу по списку. Если нет, то сделайте это незамедлительно во время нашего перерыва. На следующем занятии будем разбирать концепции основоположников этой науки. Из земных ученых это непременно Карл Бюлер, Фердинанд де Соссюр, Роман Якобсон, Александр Реформатский...

«Кто-кто?» – недоуменно переспросил меня Рэо. Я отмахнулась: «Потом объясню!» – а Лори Кан продолжала звонко вещать:

– Разумеется, на космолингву переведены не все ключевые труды по лингвистике. Нам потребуются также работы предостопочтеннейшего Тай-Тайнулло-Тайнулло, Менненаирры Фарран, Соллио Ксо, Гуош-и-Дақыр...

Вот тут уже настала моя очередь встрепенуться. Я не помню, есть ли в моем планшете труды этих космолингвистов. Их имена ничего мне не говорят. Нужно будет срочно восполнить пробелы, а то неприлично не знать, кто такой или кто такая Гуош-и-Дақыр.

Не давая нам ни минуты расслабиться, Лори Кан продолжала вываливать на нас информацию. Делала она это предельно систематизированно, четко, ясно и внятно, но от обилия сведений голова шла кругом. Лекция, конечно, записывалась на мой планшет, причем сразу в двух вариантах, как распознанный текст и как видео. Но это не отменяло необходимости очень внимательно слушать, поскольку время от времени профессор Кан задавала нам вопросы, требовавшие точных ответов. Она, очевидно, прощупывала наши знания и одновременно не позволяла отвлечься ни на болтовню с соседом, ни на другие посторонние вещи.

Постепенно ее монолог превратился в дискуссию. Выяснилось, что у нас, первокурсников, нет единого мнения о том, что такое язык, можно ли подвести все существующие во вселенной языки под одну систему определений, а если всё-таки можно, то какая из них окажется наименее отдаленной от истины. К семинару мы должны были отреферировать труды из списка. Я взяла Гуош-и-Дақыр, а Рэо польстился на Реформатского – уже очень красивым ему показалось это имя, вернее, фамилия.

Очень хотелось подойти к профессору Лори Кан и познакомиться с нею поближе, но она, едва завершилось занятие, попрощалась и упорхнула столь же стремительно, как появилась. Фейерверк, а не женщина.

В перерыве я, вместо того, чтобы размяться на свежем воздухе, выпить чаю или поваляться на гидропуфике, полезла в сеть выяснять подробности про Лори Кан.

Ага, вон оно.

Коренная жительница Тиатары. Предки – земляне с космолета «Гайя» (см. «Гайя»). В четырнадцать лет поступила в Колледж космолингвистики, в девятнадцать с отличием закончила. Защитила магистерскую диссертацию «Гендерные аспекты лингвистической самоидентификации». Докторская степень получена за труд «Классификация земных языков с точки зрения инопланетных лингвистов». Профессор Колледжа космолингвистики на Тиатаре, почетный доктор Тартусского университета (ой, где это?), эксперт Межгалактического совета по науке (секция сравнительного языкознания). Увлечение: динамические инсталляции, участвовала в выставках на Тиатаре, Гингоссе и Флаксе.

На сайте колледжа не указывался ее возраст. Но по моим подсчетам, ей могло быть лет двадцать пять. Ну, или парой годиков больше.

Неужели я через десять лет смогу достичь чего-то подобного?.. Мне с одной стороны не верилось, а с другой – почему бы и нет? Разве я намного глупей?

Вторым предметом значились «Языки программирования». В аудиторию медленно вплыло почтенное Шанулло, и после неспешного введения в суть дела мы выясняли, кто из нас какими языками владеет. Нам сразу задали несколько задач, которые предстояло решить за те же самые дни, что отводились на подготовку к семинару профессора Лори Кан. Да уж, Фонарик прав, силы нужно рассчитывать...

После двух лекций для всего курса мы отправились на секции по выбранным дисциплинам.

Урок уйлоанского

Мне предстоял урок уйлоанского.

Магистр Джеджидд ожидал своих студентов в маленькой аудитории наверху административно-учебного корпуса, в конце полукруглого коридора. Очевидно, аудитория мест на десять одновременно служила ему кабинетом.

Внутри оказалось несколько сумеречно и прохладно. Зеленоватое покрытие на стекле не пропускало ультрафиолет и делало атмосферу похожей на подводное царство. Бесшумно работал кондиционер, придававший легкое колебание тонким стеблям выюнков, украшавших интерьер и росших словно бы прямо из пола (на самом деле, из крытых контейнеров на полу). На занавесках красовались какие-то инопланетные существа вроде рыб, актиний и морских змей. Казалось, они непрерывно куда-то плывут. Колыхался и однотонный серый занавес за спиной магистра.

Я еще совершенно не разбиралась в уйлоанцах и не могла понять ни их возраст, ни мимику. Мне показалось всё-таки, что магистр Джеджидд далеко не стар, хотя одет во всё серое и мешковатое. Голос у него глубокий и звучный, только немного угрюмый, дикция четкая, а двигается он легко и плавно. Наверное, если он не профессор, а магистр, у него впереди вся карьера.

На стене кабинета висел монитор, соединявший помещение с деканатом. Он работал беззвучно, но я видела, как декан Темара Ассур вошла, расположилась у себя за столом и начала беседовать с Фаррануиххом (я едва удержалась от того, чтобы помахать ему рукой, хотя он не смотрел в нашу сторону).

Перед лицом Джеджидда находился другой монитор, который транслировал наше занятие в кампус. Вторым студентом в нашей крохотной группе оказался келлоец Фью, а третьей – Иййяя. Они учились дистанционно.

– Вы знакомы? – спросил меня Джеджидд с непроницаемым видом.

– Да, магистр, – ответила я. – Иййяя – моя соседка, а Фью – сосед моего однокурсника Рэо.

– Хорошо. Приступаем. Для начала ответьте, пожалуйста, откровенно: что вы знаете об Уйлоа?..

Фью, лишенный человеческих чувств, принялся излагать известные ему факты так, как усвоил из справочников: четко, сухо и без подробностей. Зато с картинками и пиктограммами.

Магистр Джеджидд не вмешивался, лишь иногда кивал или морщился. Впрочем, «морщился» – это условное выражение, просто на его лице появлялась некая складка, придававшая ему кисловатого-скептический вид.

Иййяя призналась, что не успела еще почитать даже справочники, а в группу записалась, поскольку ей требуется в этом семестре еще один новый язык, и она выбрала уйлоанский, – тогда мы с нею сможем вместе делать задания.

– Юлия, вы? – обратился магистр Джеджидд ко мне.

Я смутилась. В большой группе я бы предпочла промолчать. Но когда группа такая маленькая, не ответить нельзя. Кое-что я, естественно, прочитала об Уйлоа. Но прочитанное мне не сильно понравилось. Всё выглядело как-то странно, а в итоге – очень печально. Я боялась, что в моем пересказе исторические события получат не совсем желаемую окраску, и магистр Джеджидд опять будет злиться. Поэтому я соврала, заявив, будто знаю не больше, чем нам рассказывали на ознакомительной экскурсии по Тиатаре. Но записалась на курс уйлоанского языка именно из желания познакомиться с этой погибшей цивилизацией.

– Она не совсем погибла, – возразил магистр Джеджидд.

– Ах, да, госпожа декан Темара Ассур говорила мне, что вы – аутентичный носитель! – похвасталась я. – Драгоценный реликт!

У него на лице появилось загадочное выражение. Он испытующе уставился на меня своими серо-коричневыми глазами, над которыми светился желтовато-зеленый третий. Я смущенно гадала, сморозила я очередную дичь или выдала до смешного напыщенный комплимент. Может быть, называть своего опекуна «реликтом» вообще неприлично?

– Извините, магистр, – прибегла я к дежурному заклинанию. – Вероятно, я снова по недомыслию сказала что-то неподобающее.

– Извинения приняты, – бесстрастно ответил он. – Первое задание для всей группы: прочитать монографию профессора Балафа Доэна «История Уйлоа». Второе: безотлагательно скачать «Вводный курс уйлоанского языка». Автор – тоже Балаф Доэн, в моей редакции. Формат любой, какой вам удобен.

– Уже скачано! – не преминула похвастаться я.

– Кажется, вы записались еще и на курс тагманского?

– Да, магистр. А что, так нельзя?

– Можно. Только по силам ли?

– Думаю, справлюсь. Языки совершенно разные, перепутать их трудно.

– Хм, попробуйте. Но учтите, что в оценках я строг.

После этого мы, наконец, приступили собственно к уйлоанскому языку.

И вот тут я возрадовалась, что выбрала этот предмет. Фонетика – просто сказочная. Каждое слово – как музыка. Я млела примерно так же, как когда-то от португальского и древнегреческого. Кстати, уйлоанский по звучанию чем-то похож на то и другое. На португальский – переливами гласных, всеми этими «ао» и «оа», а на древнегреческий – музыкальностью интонации и нередким несовпадением акцентного ударения с долгой гласной, как в слове «Уйлоа» (ударение на предпоследнем слоге, но последняя «а» – долгая, и ее следовало бы удваивать на письме, чего при транскрипции на космолингве не делают).

В конце занятия магистр Джеджидд спросил у нас, есть ли вопросы.

Фью поинтересовался, можно ли сдавать грамматику без фонетики – у него речевой аппарат, непригодный к воспроизведению некоторых звуков. «Да, можно», – сказал магистр. – Но оценка выйдет уполовиненной, или просто зачет без оценки». Иййя хотела узнать насчет экзамена – очно или дистанционно. Магистр ответил: и дистанционно, и даже письменно, не имеет значения, особенно если язык ей нужен лишь для набора предметов в семестре.

Отличилась, конечно же, снова я.

Я спросила магистра Джеджидда, почему его имя звучит не как уйлоанское, а как тагманское.

Он ответил, что это действительно так. Джеджидд – не имя, а псевдоним. На тагманском значит «Толмач». Переводчик.

– Настоящее имя, – сказал он, – другое. Но в колледже оно никогда не используется. Для коллег и студентов я – магистр Джеджидд. Всегда. Только так. И никак иначе.

Он произнес это крайне суровым и непререкаемым тоном, и у меня сразу пропала охота докапываться до истины. Похоже, вести подобные разговоры с кем-либо за спиной моего грозного опекуна неуместно и неприлично. Ведь объяснила же мне декан Темара Ассур, что он – особа знатная и влиятельная. Ну, и ладно. Я пришла сюда изучать уйлоанский язык, а не копаться в его биографии.

Зато историей Уйлоа я и вправду заинтересовалась.

Мятежный звездолет

Я не буду подробно пересказывать здесь очерк, написанный одним из основателей нашего Колледжа, уйлоанцем Балафом Доэном, – совсем не историком, а специалистом по искусственным языкам, программистом и переводчиком уйлоанских текстов на космолингву. Но главные факты, почерпнутые из его книги, упомянуть всё же стоит, поскольку они имеют прямое отношение к истории Тиатары.

Уйлоа – единственная обитаемая планета в системе звезды Ассоан, вернее, была обитаемой до определенного времени. Разумная жизнь возникла в воде, но высокотехнологичная цивилизация сформировалась на суше. Два обширных материка располагались относительно недалеко друг от друга; между ними находились отдельные острова и архипелаги. Западный материк назывался Сеннай или Сеннар (оба варианта произношения равноправны). Там сложилось в меру иерархическое общество, управляемое иерофантами – чем-то средним между учеными и жрецами. Основой идеологии сеннайцев считалась меритократия, то есть власть достойных, и всячески поощрялось развитие наук и искусств.

На восточном материке, Фарсане, возникла воинственная монархия во главе с императорами, которые из поколения в поколение носили одно и то же тронное имя – Уликен (в старинной орфографии – «Улликен», «Великоединый»). Каждый из Уликенов считался живым порождением небесных энергий, истекающих от звезды Ассоан, и на этом основании он провозглашался верховным иерофантом, имевшим право проводить священные ритуалы (они называются «церемониями у очага» и не подлежат разглашению). Звезда Ассоан воспевалась поэтами как «всеобщий очаг», а на самой планете Уйлоа наивысшей сакральностью обладал очаг во дворце императора в фарсанской столице, Уллинофароа. Император мог посвящать в иерофанты любого члена своей семьи, как мужчин, так и женщин, от которых, в свою очередь, благодатные силы распространялись дальше, расширяющимися кругами, по всем городам, селениям и отдельным домам. Проведение церемоний считалось исключительным правом и вместе с тем священным долгом венценосных иерофантов, как принцев, так и принцесс.

Конечно, на уйлоанском языке все приводимые мною титулы звучали иначе, более пышно и многословно. Но книга Балафа Доэна написана на космолингве, где встречается множество латинизмов. И лучше уж я оставлю тут «императора», «иерофанта», «принца» и «генерала», чем буду загромождать свой текст транскрипциями и приблизительными переводами витиеватых уйлоанских синонимов. Иначе в сочетании с уйлоанскими именами всё станет совсем непонятно.

У сеннайцев должность иерофанта доставалась ученым и сочеталась с занятиями астрономией, математикой, биологией и другими, совсем не мистическими, дисциплинами. Поэтому местные иерофанты не являлись кастой и не передавали свои полномочия по наследству.

Когда очередной Уликен потребовал, чтобы Сеннар признал его власть и поклонился ему как верховному иерофанту Уйлоа, сеннайцы, естественно, отказались это сделать, не видя к тому никаких оснований. Тогда началась война между двумя континентами, в которой победил, конечно, Фарсан. Сеннайцы решили: раз властитель от них далеко, им не так уж важно, кто ими правит, и пусть он зовется, как ему нравится. Однако они ошибались. Для удержания власть в планетарном масштабе, императоры постоянно увеличивали свою армию, устраивали боевые учения и поощряли развитие техники, позволявшей летать, стрелять, взрывать и уничтожать всё, что мнилось враждебным.

Ученые призывались на военную службу, и, хотя их не заставляли отбывать повинность в настоящих войсках, подчинялись они теперь Императору – а конкретно, армейским чинам,

требовавшим, чтобы все проекты имели военное предназначение. Даже от поэтов и музыкантов, находившихся на попечении государства, требовали произведений, воспевавших деяния Императора и боевой дух его армии. Все крупные учреждения как на Фарсане, так и на Сеннаре, сделались исключительно «императорскими»: университеты, академии, библиотеки, институты и медицинские центры. Получить в них работу считалось удачей, но взамен ожидалась беззаветная верность монарху.

Картина, наблюдаемая из космоса, свидетельствовала о быстром техническом прогрессе уйлоанской цивилизации. Однако издалека оставалось непонятным, какие в ней утвердились законы и нравы. Современные города, сеть дорог, морские порты, летательные аппараты, использование энергии океана и ветра, искусно преобразованные ландшафты – всё служило придатком к воплощению сверхидеи непобедимости Императора и абсолютности его власти.

Желая вступить в контакт с Уйлоа, делегация Межгалактического альянса отважилась направить туда космолет, приземлившийся на Сеннаре. Фарсанцы восприняли прибытие инопланетян на Сеннар как вторжение, а интерес ученых сеннайцев к гостям – как государственную измену. Ракеты императорских войск едва не уничтожили космолет, успевший взлететь невредимым только благодаря четко сработавшей интуиции переговорщиков-виссеванцев и хладнокровию пилотов-тактаи.

После такого опасного инцидента Межгалактический альянс решил, что с Уйлоа вести дела еще рано. А на Уйлоа начался бесконечный военный психоз. Официальная доктрина отныне гласила: Великий Уликен успешно отбил атаку космических оккупантов, которые, однако, продолжают вынашивать замыслы покорения этой благословенной планеты. Поэтому весь народ должен беспрекословно подчиняться повелениям Императора и наращивать вооружения.

Уйлоанцы запустили множество спутников, которые ловили возможные сигналы из космоса, дабы оперативно уничтожить любое чужое устройство. При этом собственных межзвездных космолетов уйлоанцы не строили. Даже мысль о них считалась крамольной. Некоторые ученые доказывали, будто уйлоанцы ни в каких иных условиях жить не смогут, а значит, о дальних мирах и мечтать не стоит. Другие им возражали, что всё в императорской воле, однако сверхдальние корабли стоят баснословно дорого, и незачем тратить на такие ненужные вещи те средства, которые следует направить на оборону.

Еще одной областью, развивавшейся столь же успешно, сколь односторонне, оказалась медицина и генная инженерия. Лучшие специалисты Уйлоа заканчивали Императорский университет в Уллинофароа и работали в Императорских институтах и клиниках, где имелись прекрасные лаборатории. Цель их работы не называлась вслух, но подразумевалась: если и не обретение тайны бессмертия, то, по крайней мере, сохранение долговременного здоровья Великого Уликена и его приближенных. Молва утверждала, будто каждый Великий Уликен – это точный клон предыдущего. Поэтому пытаться убить Императора совершенно бессмысленно: клоны, скорее всего, уже существуют, ведь Император иногда ухитряется находиться одновременно в разных местах.

Когда прошло лет сто, и народ перестал бояться пришельцев из космоса, очередной Уликен придумал другого врага. Придворные астрономы указали ему на планету Тагма в соседней системе Джай. Тагма выглядела благоприятной для существования жизни, хотя никакой активности в космосе не проявляла. Идеологи сложили миф о воинственных и кровожадных тагманцах, готовящихся напасть на Уйлоа. Появились видеодрамы, поэмы и песни, издавались якобы научные труды, хотя никто никогда не видел ни одного тагманца. В воображении уйлоанцев они представляли чудовищами с клыками, когтями и рыкающими голосами. Глядя на тиатарских тагманцев, над этим можно лишь потешаться, но у страха глаза велики. В измышления верили многие, особенно представители простого народа – не все уйлоанцы обладали ученостью.

Между тем назревала космическая катастрофа, предотвратить которую наука никак не могла.

Звезда Ассоан вела себя беспокойно, и, судя по всем признакам, двигалась к неминуемому коллапсу. Случилось бы это, конечно, нескоро. Может, через полтора миллиона лет. Но Уйлоа уже начала перегреваться и терять атмосферу. Жители вымерли бы гораздо раньше, чем взорвалась их звезда – в течение одного поколения. Счет практически шел на годы, хотя средства массовой информации уверяли, будто бы ничего ужасного не происходит, просто звезда Ассоан вступила в очередной период активности, и что такие периоды в истории уже случались, нужно лишь потерпеть несколько лет, и атмосфера вновь сбалансируется.

Император и часть элиты Уйлоа понимали, что дела совсем плохи, и сохранить жизнь на планете или переселиться куда-то за столь короткий срок невозможно. Межгалактический альянс больше не интересовался негостеприимной планетой, и помощи ждать было неоткуда.

Поэтому возникла идея спасти Императора, его близких родственников и узкий круг приближенных, переправив их на ту самую Тагму, куда до сих пор никто не летал. Однако там несомненно имелась атмосфера, вода и сносная для белковой жизни температура. В агрессивных чудовищ с Тагмы никто из серьезных специалистов не верил. Поскольку вокруг Тагмы не прослеживалось никаких искусственных спутников, радиоволн и признаков развитых технологий, предполагалось, что цивилизация, если она там и есть, весьма примитивная, а значит, колонизировать ту планету не составит большого труда.

Народу представили новую идеологическую доктрину: доблестный Великий Уликен намерен нанести превентивный удар по врагам, и с этой целью он лично возглавит военную экспедицию к Тагме.

Все силы лучших умов Уйлоа сосредоточились на разработке и построении единственного в своем роде межзвездного суперкорабля, способного перенести примерно сто семьдесят пассажиров в другую звездную систему живыми и невредимыми.

Звездолету дали название «Солла». На уйлоанском – «звезда». Да, звучит немного похоже на наше «Солнце», по-латински Sol, но это лишь случайное совпадение. Я уже говорила, что уйлоанское конечное «а» произносится как долгое, и по сути должно бы писаться удвоенным: «Соллаа».

Руководить учеными и инженерами, создавшими «Соллу», был назначен Балаф Аусир – военачальник, которого я ради простоты назову генералом. Он старательно демонстрировал свою преданность Императору и считался пунктуально послушным службистом, обожавшим всё делать строго по инструкциям и согласно приказам главнокомандующего. Подчиненные просто стонали от его буквоедских требований. Впрочем, ученые, инженеры и конструкторы в целом с ним соглашались, хотя в строительстве космолетов Балаф Аусир разбирался слабо. Но в космосе нельзя работать небрежно и надеяться, что если начальство ничего не заметит, то как-нибудь оно обойдется. Недокрученный болт, недоклёпанная панель, отходящий контакт, не светящийся датчик – верный путь к катастрофе. Специалисты уважали и слушались Балафа Аусира.

Свой дерзкий план он держал при себе до последнего.

Балаф Аусир убедил императора, что ради проверки надежности «Соллы» необходимо провести испытание в открытом космосе и убедиться в безупречной работе всей техники и вышколаенности команды. И лишь потом надлежит приглашать на борт Великого Уликена и его драгоценных близких. Список счастливых стал известен Балафу Аусиру, и, возможно, именно это знание привело его к решительным действиям. Генерал, похоже, в процессе строительства «Соллы» убедился в том, что он сам и его команда, составленная из лучших умов и талантов Уйлоа, заведомо более достойны спасения, чем стареющий Император со своими родственниками, министрами, царедворцами и челядью, включавшей в себя парикмахеров, массажистов и горничных. Из великолепной когорты ученых и инженеров, создавших «Соллу», на борту пред-

полагалось оставить лишь навигаторов, астрофизиков, врачей, биологов и кое-кого из младшего технического персонала. Остальных списали бы как ненужный балласт – то есть обрекли бы на скорую гибель.

Генерал открыл свой план экипажу, когда они уже оказались в космосе. Собственно, он поставил подчиненных перед фактом: они сейчас же стартуют на Тагму. Иначе – смерть от предстоящего вскорости катаклизма или казнь за измену. Команда поддержала Балафа Аусира. Связь с Уйлоа они прервали, транслируя аварийный сигнал, зато включили на полную мощность фотонный двигатель и исчезли, будто бы растворившись в пространстве.

До Тагмы мятежники добрались благополучно. Планета действительно оказалась обитаемой и населенной разрозненными племенами, имевшими лишь простые орудия вроде дубин, пращей и каменных топоров. Железа здесь обрабатывать не умели.

Уйлоанцы покорили бы Тагму без особых усилий.

Они обладали всеми видами современных вооружений, включая лазерное и психотропное. Но Тагму спасла ее особенность: гравитация. Раза в два больше той, к которой пришельцы привыкли у себя на планете. Они ощущали себя раздавленными. Скафандры служили своеобразным экзоскелетом, но затрудняли движения. Вдобавок повышенная радиация, невыносимая дневная жара, перепады температур, как в пустыне, жесткая вода с железистым вкусом, – мир Тагмы выглядел совершенно чужим для уйлоанцев, привыкших к прохладной, влажной и несколько сумрачной атмосфере.

Уйлоанцы начали заболевать и умирать, хотя тагманцы не проявляли к ним никакой враждебности. Вероятно, в них видели неких богов, посланцев небесных сил. Никто не пытался напасть на лагерь, никто не требовал, чтобы пришельцы убрались восвояси. Но они угасали один за другим. Эти смерти держались в секрете от местного населения, трупы утилизировались на самом корабле, однако стало понятно: нужно срочно искать другое космическое убежище. Ничего подходящего в обозримом пространстве не просматривалось. В системе Джай имелись лишь газовые и ледяные планеты; жаркая Тагма оказалась единственным исключением.

Астрофизики «Соллы» произвели необходимые наблюдения – и обнаружили на краю галактики Чаша солнце Айни с планетной системой. Поначалу они нацелились на Сулету, которая издали, судя по спектроанализу, походила на их родную Уйлоа. Однако выбор все-таки пал на Тиатару: до нее от Тагмы гораздо ближе, чем до Сулеты, а в тех условиях расстояние многое значило. Существовал риск, что, даже если уйлоанцы стартуют немедленно, на Тиатару прибудет неуправляемый космолет, если на нем вообще уцелеет хоть кто-то. И тогда генерал Балаф Аусир приказал захватить с собой нескольких уроженцев Тагмы, обучить их в пути обращению с простейшей техникой и по сути сделать своими слугами и рабами. Тагманцев, явившихся в очередной раз к космолету с предметами для обмена, отловили сетью как животных, отобрали самых молодых, здоровых и сообразительных, погрузили на борт и насильно вывезли в космос.

Вскоре после отлета с Тагмы скончался Балаф Аусир. Еще раньше умерли несколько профессиональных военных и родовитейших аристократов, которые представляли его величество Императора, но не участвовали в управлении кораблем. Власть на «Солле» постепенно забрали ученые, умевшие мыслить более гибко – среди них оказалось много сеннайцев. Командиром избрали пилота-астрофизика Этгая Ниссэя, авторитет которого выглядел неоспоримым.

Убедившись в умственной полноценности «дикарей», то есть тагманцев, и поборов в себе отвращение к их непривычной внешности, уйлоанцы начали обращаться с ними как со своими учениками и даже друзьями. Биолог Маэнон Сеннай взял в подружки тагманку Джэххэ, и, хотя над ними посмеивались, никто сильно не возражал. Все думали, что у межпланетной пары не может появиться потомства, ну и пусть развлекаются.

На борту «Соллы» имелась биологическая лаборатория, которой заведовала Ильоа Кийюн, выдающийся врач, генетик и микробиолог. Судя по имени, она имела какое-то отношение к семье императора Уликена (имя «Ильоа» считалось в роду династическим). Вряд ли она обладала титулом полноправной принцессы, иначе об этом бы знали. Предполагается, будто Ильоа являлась внебрачной дочерью Уликена от женщины более низкого происхождения, что позволило ей беспрепятственно заниматься наукой и сохранять независимость от придворных условностей. Но она не оставила мемуаров и дневников, а кое-какие личные документы перед смертью сожгла.

Сразу же после бегства с Уйлоа доктор Ильоа Кийюн убедила весь экипаж собрать репродуктивный материал, дабы он хранился в лаборатории в замороженном виде. Даже если обитатели «Соллы» перенесли бы межгалактическое путешествие и добрались бы до цели живыми, они в силу возраста вряд ли смогли бы оставить потомство.

Потом она проделала ту же самую операцию с захваченными тагманцами. И начала лабораторные эксперименты по генетическому сближению обеих рас. Маэнон Сеннай и Джаххэ отважились стать добровольцами. Биологу не терпелось узнать, получится ли что-нибудь, а Джаххэ не имела на сей счет никаких предрассудков. В результате у Сенная и Джаххэ путем генетического конструирования и искусственного оплодотворения родились гибриды – две девочки, двойняшки, которых назвали Тинда и Сатинда.

Скандал на борту корабля разыгрался нешуточный. Некоторые уйлоанцы возмутились смешением их крови с кровью дикарей, но другие, остыв и подумав, признали правоту Ильоа Кийюнн. Речь шла о выживании всей экспедиции.

Тинда вышла более светлой и похожей на уйлоанку, а Сатинда – с темно-красной кожей, как тагманка, и с коротким рудиментарным хвостиком. Научившись ходить, они носились друг за другом по жилому отсеку, веселя окружающих. Поэтому, когда «Солла» достигла Тиатары, и экипаж увидел над планетой две луны, не возникло особенных разногласий, как назвать эти два светила. Разумеется, светлый спутник – Тинда, красноватый – Сатинда.

Вслед за девочками родились два мальчика, тоже двойня, Седжэхх и Маджэхх. Мальчики тоже получились на славу. На Тиатаре в честь них названы две горы, Седжэхх и Маджэхх, находящиеся к югу от здешней столицы.

До Тиатары «Солла» добралась гораздо раньше, чем планировалось, поскольку наткнулась на одну из нестабильных «кротовых нор» на периферии системы Айни и чудом успела проскочить сквозь нее, пока пространство снова не схлопнулось. Как потом выяснилось, за этим отчаянным рывком сквозь пространство и время наблюдал айсянский корабль, шедший собственным курсом в другие миры. Айсяне не стали тратить времени на выяснение обстоятельств и отложили расследование на потом.

К счастью, Тиатара оказалась местом, пригодным и для уйлоанцев, и для тагманцев – для последних оно выглядело настоящим раем. Тагманцев первыми выпустили наружу, и они от радости запрыгали, наслаждаясь свободой, закричали и запели на своем языке: «Тиатара, Тиатара!» – что означало просто «Земля хорошая! Земля хорошая!». Хотя уйлоанцы пытались придумать планете другое название, они сами вскоре начали называть ее Тиатарой. Но по-тагмански фонема «р» звучит раскатисто, а в уйлоанском языке произносится мягко, с картавинкой.

Обследовав местность, пришельцы решили обосноваться поближе к воде, горам и растительности. К северо-западу от места посадки «Соллы» возвышалась большая столовая гора, за обследование которой ратовал командир, и поэтому она в честь него ее назвали Эттаем.

Гора Эттай действительно величава и высока, у нее раскидистые отроги, а склоны где-то отвесные, а где-то уступчатые или просто пологие – это работа воды и ветра. Из стен сочатся источники, у подножия они превращаются в ручьи, впадающие в реку Виссану, которая впадает

в огромное мелкое озеро Ойо. Из него, в свою очередь, вытекает то ли та же самая, то ли уже другая река, называемая Джумай, и течет на юг между горами Седжэxx и Маджэxx.

На низком плато под горой Эттай и возникло поселение, ставшее столицей Тиатарской цивилизации – Тиастелла. Слово гибридного происхождения; оно означает на смеси двух языков – «укрепленная земля», или «земля и крепость». Сейчас от крепостной стены остались лишь три участка – на память о прошлом.

Уйлоанцы заселили северную и западную часть Тиастеллы, а тагманцы – южную и восточную. Различия двух частей города до сих пор ощутимы. Там разная архитектура, разный ритм жизни, разная специализация. Уйлоанцы забрали к себе всё научное и медицинское оборудование с «Соллы», какое смогли увезти, а тяжелую технику предоставили тагманцам, которые охотно взялись за работы, требовавшие физической силы, выносливости и усердия. Тагманцы занимались возведением зданий, укреплением склонов, прокладкой дорог. Уйлоанцы руководили, учили, лечили, изучали местную флору и фауну, интродуцировали привезенные с собою растения, налаживали солнечные батареи и ветряки для выработки электричества, стараясь сохранить привычный уровень цивилизованности, хотя это удавалось не в полной мере.

Конфликты, конечно, случались, однако о кровопролитных войнах речи быть не могло. Обе общины понимали, что каждая жизнь на счету, и убивать друг друга нельзя, ведь остановить разгул страстей будет трудно. Впрочем, агрессию сдерживали доминирующие психологические черты обоих народов: интеллектуализм и серьезность уйлоанцев и жизнерадостное дружелюбие тагманцев. Первое в худших своих проявлениях превращалось в холодное высокомерие, а второе – в беспечную безалаберность. Два народа взаимодействовали, но не смешивались, сохраняя свои языки и обычаи.

Еще во время полета на «Солле» уйлоанцы торжественно постановили, что управление в будущей колонии станет исключительно коллегиальным. Повторять печальный опыт монархии не желали даже приверженцы императора. Для тагманцев же, привыкших к родовому строю, совместное решение всех вопросов выглядело естественным, они по-другому и не поступали.

Поселенцам следовало как можно скорей увеличить свою популяцию. Тагманцы плодились гораздо активнее, и сейчас их количество заметно превышает численность уйлоанцев, хотя в Планетарном совете две общины представлены поровну.

Ильоа Кийюн, Маэнон Сеннай и Лиолла Ноффу, трое медиков и биологов с «Соллы», сумели на первых же порах организовать в Тиастелле новую лабораторию, в которой занялись искусственным оплодотворением, используя генетический материал, замороженный ранее и хранившийся на космолете. Условия оказались далекими от идеальных, не все полученные эмбрионы прижились, однако эти опыты принесли результаты. Уйлоанская община начала пополняться рожденными на Тиатаре детьми. Особенно ценились девочки, поскольку женщин на космолете изначально было всего десять, а до Тиатары их добралось только шесть. Ильоа Кийюн часто ставила эксперименты над собой, и поэтому так и не выбрала мужа, а у ее потомков теперь разные фамилии. Лиолла Ноффу родила троих девочек, они потом вышли замуж и тоже оставили вполне здоровых детей. Некоторые фамилии первых поселенцев считаются аристократическими – например, Сеннай и Ниссэй, хотя семья Ниссэй имеет и боковую, незнатную линию. Со временем у тиатарских уйлоанцев тоже возникла своя иерархия, основанная на почитании знати, однако она не столь жестка, как прежняя. И, конечно же, здесь нет и не может быть никаких императоров.

Судьба Уйлоа

Судьба же Уйлоа оказалась печальна.

Тот корабль аисян, который случайно почти пересекся со «Соллой» у выхода из «крово́вой норы», направлялся на чрезвычайное совещание о судьбе Уйлоа. Угроза полного уничтожения на Уйлоа разумной жизни заставила Межгалактический альянс всё-таки отступить от принципа невмешательства и подыскать для уйлоанцев другой космический дом, подходящий им по природным условиям. Таким домом оказалась планета Лиенна на окраине той же галактики. Конечно, о переселении миллионов и даже тысяч уйлоанцев речь идти не могла. В руководстве Межгалактического альянса – прагматики, а не альтруисты. Все шаги дотошно просчитываются; у всего есть конкретная стоимость. Для спасения популяции, как показал опыт «Соллы», вовсе не требуется много участников. В принципе хватило бы и нескольких энергичных особей, но вопрос заключался не только в существовании уйлоанцев как вида, а в сохранении их культуры, уникальной, богатой и разнообразной. А значит, требовались переселенцы, обладающие известными навыками и талантами.

На Уйлоа к тому времени воцарилась паника. После раскрытия ужасающей правды о том, что планета стремительно утрачивает атмосферу, и предпринять ничего нельзя, в Уллинофароа началось неуправляемое восстание. Толпы взяли штурмом дворец, император был свергнут и убит вместе с обоими сыновьями и прочими родственниками, оказавшимися рядом с ним, правительство ничем больше не управляло, в городах выходили из строя системы жизнеобеспечения. Массы народа устремились туда, где, как им казалось, они могли бы спрятаться и уцелеть – в пещеры, в низины, в глухие леса. Некоторые члены императорской семьи укрылись в подземных убежищах, из которых опасались теперь выходить, чтобы не оказаться убитыми и не раскрыть местонахождения загодя накопленных там припасов еды, воды и медикаментов.

Лишь ученые до последнего оставались в своих институтах и лабораториях, постоянно вели наблюдения за состоянием атмосферы, пытались выйти на связь с бесследно исчезнувшей «Соллой» – в общем, не прекращали деятельности, хотя катастрофа становилась очевиднее с каждым месяцем.

На орбиту Уйлоа вышел корабль аисян и начал передавать сигналы, призывавшие к контакту. Уйлоанские военные, создавшие чрезвычайное правительство, сначала пытались сбить его, но против техники аисян их оружие оказалось неэффективным. Атаки не имели успеха, а чужой космолет продолжал кружить над Уйлоа и транслировать некие коды. Тогда ученым разрешили выяснить, чего хотят от Уйлоа пришельцы.

Контакт установили по радио, аисянский корабль не опускался на поверхность планеты и ждал на орбите. Немало времени ушло на перевод сообщений с космолингвы на уйлоанский. Когда уйлоанские лингвисты расшифровали послание, оно вызвало изумление и смещение. Пришельцы приглашали к себе добровольцев, в количестве до двадцати, взрослых здоровых мужчин и женщин, владеющих профессиями инженеров, строителей, врачей и биологов. Их обещали переместить на благоприятную для жизни планету, где они смогут основать новое поселение.

Желающие нашлись, и первая партия уйлоанцев – всего тринадцать – отправилась на Лиенну. Почему так мало? Во-первых, уйлоанцам самим было страшно. Как выглядят аисяне, я описывала в первой части своих заметок, но поверьте, с непривычки испугаться нетрудно. Лететь с аисянами вызвались те, кто думали, что жизнь – не такая уж высокая цена за новые знания. Ученые, как правило, не имеют богатств, им не нужно заботиться о дворцах и поместьях. Во-вторых, корабль аисян и не предполагал большое число пассажиров: транскамеры, пресловутые «йяшшшссии», устройства невероятно сложные и дорогие, это не просто капсулы

для криогенного сна. В-третьих, первые переселенцы нуждались в оборудовании и технике для обустройства колонии на Лиенне. Груз занимал изрядное место и весил тоже немало. Кое-что они взяли с Уйлоа (книги, аппаратуру, одежду, бытовые вещи), остальное им предоставил Межгалактический альянс.

На Уйлоа становилось дышать всё труднее, а звезда Ассоан светила всё ярче. До коллапса по-прежнему оставался гигантский астрономический срок, но быстро таявшая атмосфера больше не защищала планету от жесткого излучения и невыносимой жары.

Континент Фарсан фактически агонизировал; на Сеннаре жизнь еще теплилась из-за более влажного климата.

Вскоре на орбите Уйлоа появился мощный и грузоподъемный корабль, совместное творение аисян и тактаи. Приземлился он на Сеннаре, обещав принять около пятисот уйлоанцев. На сей раз добровольцы нашлись без труда. Но спасатели забирали не всех желающих. Они требовали, чтобы будущие поселенцы были разного пола и возраста, и желательно разных профессий, включая ученых, учителей, музыкантов, художников. Семьи летели вместе, а одиночек брали лишь после выяснения их полезности для колонии на Лиенне. Прагматически мыслящие члены Межгалактического альянса безжалостно отсекали всех, кого считали ущербными – стариков, младенцев, больных, психически неуравновешенных.

Потом прилетел третий корабль, вновь на пятьсот пассажиров. Он тоже приземлился не на Фарсане, а на Сеннаре, поскольку место посадки оказалось уже опробовано. Теперь к нему хлынули толпы. И снова спасатели устроили жесточайший отсев.

После этого жизнь на Уйлоа закончилась.

Посланный за очередной партией переселенцев четвертый корабль Межгалактического альянса вернулся ни с чем. Средства связи с Уйлоа молчали, работала по инерции лишь автоматика. Роботы, отправленные на планету, зафиксировали критическое истощение атмосферы. Предполагалось, где-то в горных пещерах Сеннара и императорских бункерах на Фарсане еще теплилась жизнь, но разыскивать спрятавшихся под землей уйлоанцев посланцы Межгалактического альянса не стали. На поверхности всё живое погибло. Дроны и роботы находили в городах лишь останки разной степени разложения. Воды планеты тоже были отравлены трупными ядами. Поскольку атмосфера одновременно истончалась и перегревалась, океан испарялся, и над Уйлоа висел почти непроницаемый смрадный туман. Спасательную экспедицию отозвали назад, и больше к Уйлоа никто никогда не летал, кроме автоматических зондов.

Как представишь, становится не по себе.

Но всё-таки во вселенной существуют два мира, в которых живут уйлоанцы. Лиенна и Тиатара. Расстояние между ними настолько громадно, что у их обитателей практически нет шансов увидеть друг друга и тем более воссоединиться. К тому же неизвестно, могли бы они сосуществовать, ведь обе цивилизации развивались по-разному. Но ради ответа на этот вопрос аисяне не будут гонять свои корабли туда и сюда. Аисянам, как и многим прочим высокоразвитым расам, чужды наши понятия о гуманизме. Цивилизация сохранена – остальное предоставлено самим уйлоанцам.

В общем, я правильно сделала, захотев первым делом выучить уйлоанский язык. И к магистру Джеджидду я теперь отношусь совершенно иначе. Он, наверное, вправду – «драгоценный реликт».

Основание колледжа

О трагической истории Уйлоа я раньше не знала. Но про Тиатару читала и слышала, ведь к основанию Колледжа космолингвистики оказались причастны земляне. Каким образом? А помните экспедицию «Гайи»? О ней существует множество фильмов, космоопер, романов и игр. Их действие обычно завершается прибытием «Гайи» на Тиатару. При этом обитателей Тиатары либо совсем не показывают, либо они ничуть не похожи на реальных тагманцев и уйлоанцев. Удивляться не стоит, ведь роли здешних жителей играют люди, которые никогда ни тех, ни других не видели, а если и видели (разумеется, виртуально), то могли решить, что их внешность нефотогенична. В старых фильмах это чаще всего толпа дикарей, которых осчастливили своим визитом героические посланцы звезд. Всё не так! Я, конечно, не могу тягаться с земными фантастами, но попробую восстановить справедливость.

«Гайя», как многие знают, была знаменитым авантюрным проектом супермагната и фанатика космоса Лайо Кастиса, который набрал добровольцев для полета в иные миры и построил за собственный счет примерно такое же чудо техники, как космолет уйлоанцев. Там имелось всё: искусственная гравитация, магнитная защита от космического излучения, точнейшая аппаратура, дублировка всех жизненно важных систем, замкнутый цикл обновления атмосферы и водоснабжения, оранжерея с живыми растениями и съедобными организмами (грибы, улитки и насекомые), цифровая библиотека со всеми лучшими произведениями всех веков, роботы, флаеры, дроны, оборонительное оружие, генераторы разных полей, и многое прочее. Экспедиция предполагалась крайне рискованная и по определению безвозвратная, но участники письменно выразили готовность отдать свои жизни ради познания дальнего космоса.

Лайо Кастис, обладая смешанным происхождением, венгеро-греко-американским, преднамеренно отбирал кандидатов так, чтобы они представляли в миниатюре всю земную цивилизацию – непохожие друг на друга народы, языки, традиции, темпераменты, способы мышления и философские взгляды. Сам он лететь отказался, будучи к моменту окончания работы над «Гайей» сильно немолодым человеком.

В экспедицию попали отважные молодые профессионалы, мужчины и женщины, в основном бессемейные, – подразумевалось, что во время полета каждый сумеет найти себе пару.

Языком общения на «Гайе» выбрали международный английский (в силу его грамматической простоты), но большинство космонавтов знали также как минимум еще один иностранный язык. Посредницей между всеми стала эфиопка Тесса Алулу, выросшая в семье дипломата – лингвист-полиглот. Тесса, как и я, с детства выучилась говорить на нескольких языках. Закончив Сорбонну, она работала переводчиком в международных организациях и, наконец, получила степень доктора философии за диссертацию по сравнительному языкознанию. Она попросилась в экспедицию, надеясь на встречу с инопланетянами, чтобы освоить и какой-нибудь из неземных языков.

«Гайя» довольно долго передавала сигналы на Землю, даже находясь за пределами Солнечной системы, но в конце концов перестала отзываться, и о ней не поступало известий в течение десятилетий. Лайо Кастис умер, так и не узнав, долетели ли его посланцы куда-нибудь, или сгинули во вселенной.

Тем временем, вынырнув из очередной петли пространства-времени, «Гайя» неожиданно оказалась в системе Айни. Обнаружив Тиатару, путешественники обрадовались: о, нашлась вторая Земля! – и решили здесь обосноваться. Вскоре команда увидела признаки развитой цивилизации, но отменять посадку не стали. «Гайя» села в той же пустынной степи, на которой виднелись остатки «Соллы».

Какое-то время земляне не покидали корабль, выжидая, как его встретят местные жители. А те, в свою очередь, побаивались пришельцев, не зная, каковы их намерения.

Наконец, из Тиастеллы прилетела небольшая делегация переговорщиков, составленная из уйлоанцев и тагманцев. Земляне с облегчением поняли, что на планете живут гуманоиды, пусть и не очень похожие ни друг на друга, ни на экипаж «Гайи».

Кое-как договорились о создании общей группы. Поначалу обменивались геометрическими рисунками, пиктограммами и прочими очевидными вещами, не требовавшими применения слов. Однако без общего языка наладить полноценный контакт нереально.

Машинный перевод вошел в обиход землян уже в XXI веке, но он рассчитывался лишь на земные языки. На борту «Гайи» никто не занимался написанием новых программ. Теперь Тесса Алулу поставила перед командой задачу создать программы, пригодные для перевода с земных языков на уйлоанский и тагманский. Со стороны тиатарцев за дело взялся программист Балаф Доэн (да, тот самый, который потом написал очерк по истории Уйлоа и вводный курс уйлоанского языка – по нему мы сейчас занимаемся, только многие примечания и упражнения добавлены намного позже магистром Джеджиддом).

Так появились первые самодельные лингвочипы. Они включали основной тезаурус двух языков Тиатара и английского. Потом добавились прочие языки.

К тому времени отношения между обитателями Тиатара и землянами стали вполне доверительными. Тагманцы вообще дружелюбный народ, а более замкнутые и осторожные уйлоанцы не склонны действовать опрометчиво.

Тиатарцы дивились разнообразию внешнего вида землян. Кого там только не было! Чернокожая Тесса, европейцы всех мастей – шатен Юрий Гаранин, рыжий Свен Ларсен, блондинка Памина Вайгеле, брюнетка Анита Гомеш и рано поседевший Орфео Моретти, а еще японка Эмико Нори, китаец Кан, кореец Пак, индуска Амрита, два еврея, братья-близнецы Зильберштейн, венгерская цыганка Вера Кемет, капитан-мексиканец – мой земляк Рой Диас. Нет необходимости полностью перечислять экипаж «Гайи», в который входили представители всех земных континентов.

Уйлоанцам сразу понравилось, что представители столь разных культур превосходно ладят друг с другом и не видят в том ничего необычного. В свою очередь, мои сопланетники никогда не выказывали ни малейших признаков высокомерия по отношению к жителям Тиатара.

По общей договоренности земляне решили поселиться чуть в стороне от прочих, но тагманцы и уйлоанцы обещали помочь им техникой и рабочей силой. Совместными трудами на склоне Эттая возвели небольшой городок, получивший название Витанова, – «Новая жизнь».

Лайо Кастис, создавая команду «Гайи», настаивал на том, чтобы, помимо специалистов по космосу, электронике и инженерным системам, в экипаже должны непременно присутствовать представители гуманитарных наук и искусств. Без них, говорил он, никакая культура не может считаться по-настоящему полной и совершенной. Как выглядела бы земная цивилизация без поэзии, живописи, театра, музыки? Без истории и философии? Но, поскольку набор волонтеров ограничивался возможностями системы жизнеобеспечения, некоторые участники экспедиции «Гайи» владели двумя специальностями. Медсестра Эмико Нори, к примеру, была художницей и дизайнером. Капитан Рой Диас занимался историей Мезоамерики. Второй пилот Юрий Гаранин сочинял стихи и играл на гитаре. Диетолог Кан Веймин владел каллиграфией и боевыми искусствами. Биолог Анита Гомеш хорошо танцевала. Священник Орфео Моретти не владел никакой технической профессией, зато славился как выдающийся музыкант – композитор, певец, исполнитель. Драматическими спектаклями руководил главный врач экспедиции, англичанин Роберт Уайтфилд, фанат Шекспира (с англичанами это часто бывает, я уже поняла). Его жена и коллега Анна Шварц рисовала портреты. Ну, и так далее.

Изначально команда «Гайи» договорилась между собой, что в новом мире семьи могут быть совершенно любыми, какие кому по нраву.

Никто не предвидел, однако, совсем экзотический вариант: межпланетная пара. Тесса Алулу и Балаф Доэн полюбили друг друга и объявили себя супругами. Поскольку детей у них быть не могло, Тесса родила двух дочерей «из пробирки», причем от Орфео Моретти, который, напомню, был не только музыкантом, но еще и священником, и категорически отказывался нарушить обет безбрачия. Дочерей, Ортессу и Алферру, воспитывали сразу трое: мать, их биологический – он же духовный – отец, Орфео, и приемный отец, уйлоанец Балаф.

Первое поколение родившихся на Тиатаре землян оказалось чуть малочисленнее, чем поколение их родителей. Пока Витанова строилась, поселенцы не торопились обзаводиться большим количеством лишних ртов. А потом уже в силу возраста женщин с «Гайи» пришлось ограничиться одним или двумя детьми. Зародыши, привезенные в криокамерах, оказались нежизнеспособными. Искусственные методы срабатывали не всегда, даже если эксперименты проводились в уйлоанской лаборатории в Тиастелле.

Тем не менее, дети рождались, росли, и их нужно было учить. В Витанове открыли школу, поначалу лишь для землян, и здесь усиленно преподавали не только обычные предметы, но и различные языки – и земные, и принятые на Тиатаре.

Тесса Алулу и Балаф Доэн, а потом и Ортесса с Алферрой, продолжали работать над созданием универсальных киберпереводчиков. На основе старших классов школы организовали маленький колледж, готовивший специалистов, желавших продолжить дело Тессы и Балафа. В этот колледж начали поступать и юные уроженцы Тиастеллы, увлеченные многообразием языков Земли и захваченные идеей межпланетной коммуникации. Основатели, Тесса Алулу и Балаф Доэн, назвали свое детище «Колледжем космолингвистики», и под этим названием он известен сейчас едва ли не во всех разумных мирах.

Визит аисян

Прошло много лет, прежде чем Межгалактический альянс обратил внимание на Тиатару, считавшуюся ранее населенной лишь неразумными существами и пребывавшую в статусе изолированного заповедника. Планета выглядела чрезвычайно привлекательной для многих цивилизаций, однако именно поэтому ее берегли на крайний случай, не позволяя селиться здесь колонистам, не имевшим на это веской причины.

Только после успешного завершения операции по переносу уйлоанской колонии на Лиенну Межгалактический альянс обратил внимание на Тиатару, где происходило нечто необычайное. Развитие цивилизации выглядело слишком взрывообразным по сравнению с естественными моделями. Словно бы ниоткуда возникли четко распланированные селения и дороги, в воздухе замелькали летательные аппараты, в водоемах появились лодки и катера, на возвышенностях развернулись солнечные батареи и ветряки.

Стало ясно: кто-то нарушил запрет Межгалактического альянса на освоение Тиатары.

Аисяне вспомнили о чужом корабле, который пересек их путь у пульсирующей «кровоульевой норы». Они тогда подумали, что космолет неизвестной конструкции направляется на Сулету. И там, по случайному совпадению, действительно ждали корабля с планеты Флакс. Поэтому в ответ на запрос аисян Сулета ответил: всё в порядке, флаксанцы уже на подлете, связь с ними после прохождения гиперпространства восстановлена. О том, что речь шла о совершенно другой точке пересечения гиперпространства, никто не подумал.

Ни Сулета, ни Флакс, как выяснилось, не имели к случившемуся ни малейшего отношения. Напротив, именно администрация Сулеты забила тревогу и запросила помощи у Межгалактического альянса. Очередной орбитальный облет Тиатары показал: да, там действительно кто-то живет.

Космолет аисян прибыл примерно туда же, где совершали посадку «Солла» и «Гайя». Знаменитые корабли до сих пор стоят на равнине как памятники двум экспедициям, за ними построен музейный комплекс – два одноэтажных плоских здания с экспозициями, лекционным залом и площадкой старинной техники.

Аисяне вышли из своего космолета как раз в тот момент, когда в музей направлялась очередная экскурсия. Школьники и двое учителей прилетели на двух шестиместных флаерах и, звонко крича, хохоча и визжа от радости, начали прыгать вокруг словно бы парившего над поверхностью инопланетного корабля и рассматривать аисян в мерцающих серебристых скафандрах. Испуганные учителя пытались загнать детвору назад во флаеры, но дети уже разбежались во все стороны, чтобы получше разглядеть необычайных гостей.

Одна из учительниц – Дара – оказалась внучкой Тессы Алулу. Она всегда носила при себе медальон с механическим переводчиком. Ученики-то были разноязыкими и не всегда понимали друг друга.

Она храбро вышла вперед и, включив аппарат, направила его в сторону аисян. Те поняли, что ее медальон – не оружие: от него исходили лишь слабые электрические и звуковые волны. Потом один из аисян выступил вперед и произнес небольшую приветственную речь на космолингве – универсальном языке для межпланетных контактов. Естественно, он говорил не собственным, а механическим голосом, ясным, четким, размеренным, хотя и совершенно невыразительным.

Искусственный переводчик записал его речь, на какое-то время замер, а потом воспроизвел на экранчике приблизительный перевод. Дара удостоверилась, что пришельцы настроены мирно и хотят лишь выяснить, кто живет на планете. Преодолевая свой страх, она начала гово-

речь на английском, который оставался обиходным языком в Витанове. Механический голос аисянского лингвочипа перевел ее речь на понятную им космолингву.

Аисяне весьма изумились. Эту древнюю и почти бессмертную расу непросто чем-либо удивить. Но искусственный переводчик их сразил наповал. Аппарат работал, конечно, с изъянами, динамик оказался слишком слаб для открытой местности. Однако аисянам стало ясно, что на Тиатаре, где еще относительно недавно обитали лишь неразумные твари, появились гуманоиды, способные делать такие вещицы – и ради чего? Ради общения с неведомыми гостями?..

Дара срочно связалась с администрациями Витановы и Тиастеллы, и оттуда прислали уполномоченных представителей. Второй учитель и водители флаеров собрали детей и отправили по домам – экскурсия удалась на славу.

В спешном порядке был создан Планетарный совет Тиатары, от имени которого представители землян, уйлоанцев и тагманцев начали переговоры с аисянами. Земля к тому времени уже стала членом Межгалактического альянса (под именем Теллус), и в инопланетные лингвочипы оказались встроены популярные у землян языки, включая английский. Дара же быстро освоила космолингву – на пятый день интенсивных контактов она говорила на ней почти без помощи лингвочипа.

После длительных согласований обе стороны приняли декларацию о намерениях тиатарцев присоединиться к Межгалактическому альянсу разумных миров, – по рекомендации аисян, которые этот союз основали, хотя подчеркивали, что не являются в нем хозяевами. Они разъяснили тиатарцам принципы и законы, по которым живет содружество, допускающее в свой круг лишь те цивилизации и культуры, которые демонстрируют не просто наличие осмысленной деятельности на своих планетах, но и способность к сотрудничеству с непохожими на них существами, а также желание и умение направлять свойственную многим видам агрессию в мирное русло – освоение дальнего космоса, научные исследования, технологические открытия. Для любителей риска существуют совместные спасательные операции, нужда в которых всегда имеется – трагедия на Уйлоа не исключение, нечто подобное уже происходило и будет происходить. Разумная жизнь редка во Вселенной, и все ее очаги заслуживают внимания. И если отдельно взятая цивилизация неспособна спасти себя от катаклизма, то на помощь приходят другие.

Разумеется, не совсем задаром.

Поскольку в межгалактических масштабах обычные деньги не имеют смысла, то расчеты ведутся, как я уже упоминала, в космических кредитных системах – коксах. Свои счета есть у целых планет, у отдельных сообществ, у космических станций и институтов, и даже у индивидуумов, если они представляют какой-либо интерес для сообщества.

При вступлении Тиатары в содружество разумных миров счет планеты оказался отнюдь не пустым. Ценным вкладом сложившейся здесь многорасовой цивилизации альянс признал гармоничное взаимодействие представителей трех планет, Уйлоа, Тагмы и Теллус, но главным образом – достижения в области языкознания и космолингвистики, которая с тех пор развивалась на Тиатаре взрывными темпами. Именно этой сфере альянс уделял основное внимание, и маленький, почти домашний, колледж в Витанове быстро вырос в весьма престижное учебное заведение. Сюда потекли немалые средства, а за ними устремились и студенты с соседних и дальних планет.

Для колледжа выбрали новую территорию, тоже на плато у отрогов горы Эттай, но за пределами Витановы. В старом, маленьком здании колледжа в Витанове остался лишь Институт космолингвистики.

Чтобы регулярно принимать космолеты, причем в основном грузовые, понадобился космопорт. Он расположился на востоке, за невысоким хребтом Удунсир, который считался границей между обитаемой и необитаемой зоной.

До космопорта удобнее всего добираться на флаере. Воздушный транспорт на Тиатаре вообще развит намного лучше, чем сухопутный. Если в предыдущую эру тиатарцы пользовались старенькими машинками с «Соллы» и «Гайи», а также кустарно сооруженными геликоптерами, то после вхождения планеты в Межгалактический альянс здесь появились чудесные образцы новой техники – маневренные, бесшумные, легкие в управлении. Некоторые летают по расписанию, другие сдаются в аренду, если у тебя есть права. Это не очень дешево, но можно объединиться компанией и разложить расходы на всех.

Есть и наземные трассы, но по ним больше возят тяжелые грузы.

Впрочем, это уже не имеет отношения к космолингвистике.

Вертикальное языкознание

Я отвлеклась, но нужно же объяснить, куда я попала. И почему на Тиатаре новейшие технологии как ни в чем не бывало соседствуют с совершенно необжитыми пространствами, а невероятное разнообразие космических народов, представленных в Колледже космолингвистики – с ощутимыми границами в обществе, где все вроде бы мирно соседствуют, но предпочитают вращаться в кругу своих. На Арпадане я такого не замечала. Или, может быть, это потому, что к детям всюду относятся более открыто и доброжелательно. На Тиатаре я – обычная студентка, как все.

И в первый же день после лекций я засела за подготовку семинарского реферата по трудам Гуош-и-Дакры.

Я нашла местечко в инфоцентре, подключилась к порталу и принялась искать сведения о Гуош-и-Дакры, а то стыдно задавать сотрудникам совсем уж наивные вопросы – вдруг это классик из классиков, и на меня посмотрят как на дикое существо?

«*Гуош-и-Дакры* – выдающийся лингвист с планеты *Биксан* (см.). Родилась в королевстве *Матра* (см.) в семье мастера церемоний *Дакры-у-Кшавара*, в раннем детстве проявила талант к пению, стихосложению и языкам, в восемь лет стала жрицей *Харот* (см.), в десять признана воплощением богини, в тринадцать сложила сан и занялась исключительно наукой и творчеством. Опубликовала сборник философских бесед, цикл стихов и книгу авторских комментариев к ним, что принесло ей репутацию классика биксанской литературы и филологии. В пятнадцать лет избрана почетным членом академии *Пинтаки* (см.). В силу высокого положения Гуош-и-Дакры вела независимый образ жизни, создав собственный колледж, где обучала юношей и девушек из разных сословий по своим методикам и программам. Межгалактический совет, с которым Матра вступила в то время в контакт, поддержал это начинание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.